

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«XXXII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»**

(30 мая 2015 г.)

г. Москва – 2015

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум» по материалам международной научно-практической конференции: «XXXII международная конференция посвященная проблемам общественных наук», г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2015. – 68 с.
ISSN: 6827-1284

Тираж – 300 шт.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация Организационного комитета конференции:

Центр гуманитарных исследований «Социум»

Электронная почта: info@society-science.ru

Официальный сайт: www.society-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гладкова И.В., Г. И. ЧЕЛПАНОВ: ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ	5
Лобазова О.Ф. СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРУЮЩИЕ: ЧИСЛЕННОСТЬ, АКТИВНОСТЬ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ	7
Пальчинская М.В. ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	10

ФИЛОЛОГИЯ

Богоявленская Е.Д. ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ: ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ».....	14
Денисова А.К. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ НОВЕЛЛ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА И ГЕНРИХА БЕЛЛЯ.....	17
Корюкина Е.Е. ПРИМЕНЕНИЕ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	21
Миронина А. Ю., Шулятьева Е. С. ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ.....	23
Пелевина Н.Г., Зацепина О.В., ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА “FEAR/СТРАХ”В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.	26
Исмагулова А. Е., Закирова Э. М., СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЗА РУБЕЖОМ.....	29

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гарифуллина А.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	34
Яшкова Т. А. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	37

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бояк Т.Н. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА.....	41
Брылова Е.В. ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ РЕБЕНКА	44
Чалая Д.И. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО	46

Жукова О.Г., Пенкина Н.В. ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКОГО РЫНКА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ	48
Сычева И.Н., Свистула И.А., Пермякова Е.С. КЛАСТЕРЫ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК .	51
Васильева И.А., Анцелевич О.В. ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ – ПРИЧИНЫ НА СЕВЕРНОМ-КАВКАЗЕ. ...	54
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИССКУСТВОВЕДЕНИЕ	
Зейналлы Орхан Ниджад оглы ПРЕОДОЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ СЛОЖНОСТЕЙ В КЛАССЕ ФЛЕЙТЫ В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ	58
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Федулов С.В. ОКАЗАНИЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОМОЩИ СТРАНАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	59
Погребной А.Ю. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ ДРЕВНЕГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ...	61
Спиридонов А.М., АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIII-XVI ВВ. В ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ	65

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гладкова И.В.,

канд. филос. наук,

Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург,

доцент кафедры философии и культурологии

Г. И. ЧЕЛПАНОВ: ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В истории отечественного психологического и педагогического образования Георгий Иванович Челпанов (1862-1936) – философ, психолог, логик, профессор Московского университета, – занимает свое почетное место. Его общественная и организаторская деятельность в области образования получила высокую историческую оценку, итогом этой реформаторской деятельности стало основание первого в России Психологического института. Несомненная заслуга и вклад ученого в отечественную культуру заключается в том, что он активно формировал образовательное пространство и научную среду как необходимое условие развития, «духовного просвещения и возвеличивания» российской науки.

Для Челпанова, талантливого педагога и оратора, всегда крайне важны были вопросы подготовки молодых специалистов и качества образования. Ученый является автором многократно переиздававшихся учебников. Так, в 1905 году выходят в свет два учебных пособия Челпанова – это «Учебник психологии: для гимназий и самообразования» и «Введение в философию»), а в 1906 году издается «Учебник логики». Челпанов активно разрабатывал новые образовательные программы. В частности, он ставил вопрос о введении философии в школьный курс, обосновывая определяющее значение философии для формирования мировоззрения учащихся [1]. С этой программой ученый тесным образом связывал постановку преподавания философии в университете, создание особого философского факультета, где изучение философских дисциплин должно преследовать не общеобразовательные, а научные цели. Челпанов считал необходимым видоизменение современной ему университетской научной схемы. Свои идеи по реорганизации преподавания и научных исследований в Московском университете ученый претворил в созданном им Психологическом институте (1912). Самую важную задачу университета Челпанов видел в том, что это учебное заведение должно не только учить науке, но и созидать науку, то есть, быть учебным и научно-исследовательским учреждением. Университет «должен научить студентов самостоятельному научному исследованию. Пассивное усвоение знаний чуждо духу современного университета» [2, 41].

Годы работы в Московском университете и руководства Психологическим институтом приводят Челпанова к идее создания Академии научной педагогики. Этот проект возникает в исторически сложный период. 1920-е годы новая власть распространяет идеологическое влияние на культуру, науку, образование, меняются интеллектуальные формы общественной жизни,

распадаются научные общества, изменяется характер индивидуальной научной деятельности. Для самого Челпанова этот период стал драматическим переломом в судьбе [3].

Необходимость учреждения в России Академии научной педагогики Челпанов обосновывал причинами научного и практического характера. В первую очередь отсутствием в России учреждения, в котором разрабатывалась бы научная педагогика. Отсутствие у педагогов определенных руководящих принципов приводило к тому, что школьное строительство в России на рубеже XIX и XX столетий двигалось вперед по инерции. Разработки в научной педагогике не велись в России со времени Университетского устава 1884 года до 1906 года, когда под сильным давлением жизни правительство принуждено было ввести частичное преподавание педагогики в университете. Но со времени последней реформы университета (в 1921 году), когда университету был придан характер профессиональный, среди научно-исследовательских институтов по гуманитарным наукам, учрежденных при университете, научного института, посвященного изучению педагогических проблем, не оказалось. «У нас была педагогическая мысль и педагогическая литература, но не было научной педагогики. Вследствие этого школьное строительство, не имея руководящих принципов, шаталось, делало зигзаги, пробовало. Отсутствие учреждения, в котором разрабатывалась бы научная педагогика, имело очень пагубно влияние на школьное строительство и вообще на дело воспитания в России» [4].

В особенности научная неподготовленность русских педагогов, считает Челпанов, обнаруживалась в те моменты, когда школа нуждалась в решительной реформе, в поворотных пунктах развития школы в России. Так, например, в 1899 году, когда в министерстве Боголепова на двух столичных съездах педагогов рассматривался вопрос о реформе школы, педагоги не были подготовлены к тому, чтобы дать определенный ответ, какая именно школа нужна для России: «они, например, не были в состоянии указать должное место классической системе образования. Для оправдания образовательного значения естествознания они не шли дальше тех аргументов, которые были приводимы в 60-х годах прошлого столетия английскими натуралистами: Генсли, Тиндалем, Спенсером и другими» [5]. На предложение министерства обсудить вопрос о нравственном воспитании педагоги не нашли ничего лучшего как передать этот вопрос на рассмотрение законоучителей. После педагогических дискуссий 1899 года школа продолжала идти по инерции, хотя проекты новой школы предлагались, например проекты Ванновского, Зенгера, Глазова, Кауфмана, Игнатьева, но бесплодно, потому что они не претворялись в жизнь.

«Долгое время в качестве суррогата педагогики являлась педология, которая, на самом деле, есть психология, а не педагогика. Наконец, отсутствие научной педагогики отразилось очень вредно и в момент революции. Возникновение идеи трудовой школы застигло русских педагогов врасплох. Идея оказалась новой, в большинстве случаев непонятной. Взгляды на трудовую школу Дьюи, Кершенштейнера, Ганнсберга и других смешались с идеями техницизма и индустриализма, и образовался настоящий хаос в

школьном деле» [6]. Для осуществления идеи трудовой школы понадобился огромный штат инструкторов, который не оказался на достойной высоте, потому что в русской педагогике идея трудовой школы была чуждой, в ней не было ничего своего. Русская школа, по мнению Челпанова, получила от педагогики прошлого очень скудное идейное наследие и в революционную эпоху переживала трудные моменты.

Все эти соображения приводили ученого к убеждению, что для успешного хода развития школьного дела необходимо, чтобы в России была научная педагогика. А для этого Челпанов предлагал создать учреждение по образцу американского «Bureau of Education», государственного института, Академии научной педагогики. Это учреждение, по мысли ученого, не должно вести никакого учебного дела и не должно непосредственно руководит никакими учреждениями. В этой Академии специалисты по разным отраслям педагогики (общей педагогики, истории педагогики, дидактики, педологии, школоведения и школьной статистики, теории физ. воспитания) подвергали бы научной разработке вопросы педагогики и публиковали бы свои труды в специальном органе Академии.

В трудах ученого всегда подчеркивается значение духовных приоритетов в построении научных теорий, важнейших для современного процесса осмысления взаимосвязи наук в изучении человека. Идеи Г. И. Челпанова по организации и реформированию образования сегодня очень актуальны, они созвучны современному пониманию задач и миссии университета.

Литература:

1. Челпанов Г. И. О постановке преподавания философской пропедевтики в средней школе (1904.).
2. Челпанов Г. И. О задачах Московского Психологического института // Вопросы психологии. 1992. № 5-6. С. 41.
3. Гладкова И. В. Челпанов глазами современников: портрет на фоне эпохи. Екатеринбург, 2013. –162 с.
4. Челпанов Г. И. О необходимости учреждения Академии научной педагогики НИОР РГБ Фонд 326, К. 37, ед. хр. 72, л. 4 об.
5. Там же.
6. Челпанов Г. И. О необходимости учреждения Академии научной педагогики НИОР РГБ Фонд 326, К. 37, ед. хр. 72, л. 3 об.

Лобазова О.Ф.

д.ф.н., доцент

профессор РГСУ (Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРУЮЩИЕ: ЧИСЛЕННОСТЬ, АКТИВНОСТЬ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ

В настоящее время религиозные организации начинают играть существенную политическую и общественную роль, и численность различных религиозных объединений становится политически важным фактором. Из всех существующих подходов наибольшие цифры численности религиозных общин

даёт распространённый, особенно среди религиозных деятелей, «этнический» принцип. На основе такого метода подсчёта в стране проживает около 120 млн. православных, 20 млн. мусульман, более 230 тыс. иудеев, около 900 тыс. буддистов [3]. Этнический принцип исчисления приводит к громадным цифрам численности православных и мусульман. Но таким образом, среди зачисленных в эти религии оказываются и принципиальные атеисты, и люди безразличные к религии и никак не идентифицирующие себя с конкретными религиозными течениями, и люди, исповедующие совсем другую веру.

Более содержателен, по некоторым оценкам, критерий религиозной самоидентификации («культурной» религиозности). Православными в последние несколько лет объявляют себя по результатам различных опросов 55-59 % [2, с.38] граждан России или до 82 % русских людей. То есть, 70-85 млн. человек. Число людей, называющих себя мусульманами, колеблется от 4 % до 6 %, т. е. от 6 до 9 млн. человек [6]. Около 300 тыс. человек декларируют свою приверженность организациям, классифицируемым как нетрадиционные религиозные движения (НДР). Но НДР – это небольшая часть всевозможных новых религиозных течений. Кроме них в обществе широко распространены всякого рода оккультные, языческие, псевдохристианские верования, которые размыты, эклектичны, изменчивы. Правда, эти верования слабы, почти никто не собирается ради них вступать в какие-либо дисциплинированные организации. Широко распространены сильно примитивизированные восточные верования или их фрагменты. В первую очередь, всякого рода заимствования из буддизма, индуизма, йоги. Особую роль в адаптации всякого рода восточных верований к условиям современной России играет рериховское движение, возникшее ещё до перестройки.

Важнейший мировоззренческий элемент нынешнего религиозного сознания российских граждан – псевдонаучные идеологии, которые часто легко вплетаются в совершенно первобытные идейные конструкции. Вера в НЛО (охватывающая, по данным опросов, 70% российских горожан), снежного человека, контакты с внеземными цивилизациями – лишь самое заметное из этого ряда. Вера в астрологию захватила большую часть общества (среди горожан России в неё верят более 60%).

Современная российская христианская, православная идейная среда благодаря низкому уровню религиозного образования, стихийности нынешнего религиозного возрождения становится питательной почвой для возникновения религиозных представлений, далеко уходящих не только от православия, но и от христианства вообще.

По данным социологических исследований выявлены следующие особенности религиозности в современный период. Наибольшая религиозная активность характерна для протестантов, за ними следуют католики и иудеи. Несколько ниже показатели у мусульман, а самые низкие демонстрируют приверженцы православия и буддизма.

Среди православных сравнительно мала доля приверженцев «западных» идейно-политических течений, социал-демократии и радикальных рыночных реформ. Православные чаще всего относят себя к сторонникам русского

национального возрождения. Парадоксально, но во всех религиозных общинах невысок уровень уважения к закону [5]. Абсолютное большинство респондентов всех вероисповеданий выступает за толерантность в отношениях между различными религиями и народами. В целом крайние позиции – абсолютизация или игнорирование национального фактора – характерны для наиболее молодых и наименее образованных граждан. Наибольшую степень толерантности в межнациональных отношениях проявляет протестантская группа, включающая в себя представителей разных национальностей.

Представители всех вероисповеданий показывают довольно высокий уровень положительного отношения к православию [4]. Это свидетельствует о признании ими уникальной роли этой религии в культурно-историческом развитии России. Одновременно доминирует негативное восприятие новых религиозных движений, не укорененных в российской культурной традиции [5].

Современный период расценивается представителями самих религиозных организаций как период принятия главных решений, когда не только отдельные люди выбирают свой мировоззренческий путь, но и религиозные организации, стоящие на страже чистоты вероучения, испытывают давление перемен и ищут новые способы освоения потенциала вероучения [1]. Подобные черты характерны и для религиозного сознания на всём постсоветском пространстве, исторически связанном с Россией, где до сих пор сильны влияния русской культуры, продолжает существовать определённая экономическая и социальная взаимосвязь, обусловленная общим уровнем развития.

В целом, изменения в религиозности россиян были обусловлены теми социально-экономическими процессами, которые происходили в данный период в нашей стране. Приход к власти патриотически ориентированных управленцев стимулировал распространение идей национального и государственного достоинства, актуализировал обращение к культурно-историческому наследию, к богатству которого, несомненно, должна быть отнесена религия.

Произошло изменение содержания и правовых форм государственно-церковных отношений. В результате в конце XX – начале XXI века в России наблюдается бурный рост числа религиозных организаций, официально зарегистрировавших свою деятельность. Растёт число верующих и организованных ими религиозных общин. Результаты социологических опросов также показывают устойчивое увеличение числа людей, не вовлеченных в культовую религиозную деятельность, но относящих себя к тому или иному вероисповеданию на основе этнической и культурной самоидентификации. Одновременно с этим происходит значительное, по сравнению с предыдущим периодом, распространение нетрадиционных для России религиозных организаций, имеющих организационные центры и значительные материальные ресурсы за рубежом.

Данные социологических опросов показывают, что в течение современного периода уменьшилось число тех, кто твёрдо относит себя к атеистам, но увеличилось число колеблющихся или заявляющих о полном

равнодушии к религии. Таким образом, численная основа секулярности убывает не столь значительными темпами, как можно было бы предположить, исходя из роста активности религиозных объединений, повышения их общественного авторитета. Парадоксальным явлением можно считать то, что вера в астрологию, магию, НЛО и прочие вневероисповедные символы захватывает и верующих (определивших свой вероисповедный выбор) и неверующих (находящихся вне религиозных организаций и вероисповедания) людей.

Список литературы:

1. Корнеева И.П. Многообразие религиозного развития современного общества и религиозная целостность человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 9 (23), ч.1. – С.112-114.
2. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: НЛО, 2004.
3. Официальный сайт Всероссийской переписи населения России 2002 года: www.perepis2002.ru
4. Перова Е.Ю. Особенности светского и религиозного мировосприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета = Vestnik of Moscow state ling.univ. – М., 2012. – Вып. 11 (590). – С.180-190.
5. Петров А. Насколько мы терпимы? // НГ - Религии, 19.01.2005.
6. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. // Социологические исследования: СоцИс. – М., 2005. – № 6. – С.12-21.

Пальчинская М.В.

*кандидат философских наук, доцент
Одесский национальный морской университет
доцент кафедры философии*

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Взаимопроникновение виртуального пространства и пространства социального присущи мироощущению современного человека: «...стремительная «сетевизация» общества не является случайным эффектом социального развития и не оставляет незатронутыми остальные регионы социального бытия. Сетевое начало глубоко затрагивает структуры современного общества и заставляет общество жить и видеть вещи по-новому» [6, с.57]. Виртуальное пространство становится неотъемлемым атрибутом системы социального взаимодействия, определяя векторы социальных преобразований в различных социальных сферах - экономике, политике, культуре, религии и т.д., динамика которых коррелирует с особенностями конкретного общества, а также влияет на социализацию личности и ее социальную деятельность.

Это позволяет выделить еще один ракурс в философских представлениях об онтологических основах бытия: «доминантные ценности и интересы конструируются во вневременном ландшафте компьютерных сетей и электронных средств коммуникации, все выражения из всех времен и всех пространств смешиваются в одном гипертексте. Эта виртуальность есть наша реальность вследствие того, что именно в этом поле символических систем мы конструируем категории и вызываем образы, формирующие поведение...» [4, с.504-505].

Масштабное внедрение компьютерных технологий, стимулирующее преобразование политики, потенциально имеет многосторонний характер. В самом общем виде этот процесс можно представить как формирование нового типа взаимоотношений государства и гражданского общества, когда виртуальное пространство сети Интернет оказывает влияние на политическую социализацию. Некоторые исследователи рассматривают дальнейшее строительство «электронного правительства» как «главную задачу властей в едином сетевом пространстве и основу всех моделей государственного управления XXI века» [1].

Трансформация политической сферы под влиянием виртуального пространства может быть проиллюстрирована на примере создания и реализации электронных правительств, виртуальных партий и т.д. Власть демонстрирует большую открытость и подотчетность гражданам, что позволяет вывести на новый уровень политическую коммуникацию и процессы обновления политической элиты. Это проявляется как в форме переноса в интернет-пространство аналогов реальных политических процессов и явлений, так и в форме феноменов, присущих исключительно виртуальному пространству (онлайн-голосование, концепции «электронного государства» и «электронного гражданина» и т.п.). Амбивалентность виртуализации политического пространства заключается в противоречии между демократическим потенциалом и плюрализмом, априори присущем виртуальному пространству, и глобальными возможностями влияния на электоральные группы, включенные в политические процессы.

Процесс преобразований в экономической сфере протекает весьма динамично: «Возникают электронные рынки сбыта — метарынки, международная сеть электронных магазинов - метамаркетов, интернетизация системы розничной торговли» [2]. Можно выделить два основных направления изменений экономической системы современного общества:

- перенос аналогов экономических процессов и явлений в виртуальное пространство: «во внешнеэкономической сфере пространство виртуализации включает такие понятия, как электронный рынок, электронная коммерция, виртуальный продукт, виртуальное производство, виртуальная фабрика, виртуальный банк и, конечно, виртуальные организации (предприятие, корпорация) в целом» [5];

- превращение самого виртуального пространства в особую отрасль экономики. Главное преимущество электронного рынка состоит в том, что он является, более открытым для всех субъектов экономического взаимодействия,

что обусловлено достаточно низким финансовым и организационным барьером для выхода на него поставщиков и потребителей.

Привлекательность электронного бизнеса заключается в создании оптимальных условий для субъектов экономических отношений. Прежде всего, это глобальный рынок сбыта, высокая конкурентоспособность, возможность индивидуальной работы (появления «фрилансеров», т.е. наемных работников, не привязанных жестко к рабочему месту и моделирующих свое рабочее время самостоятельно), а также новые возможности развития бизнеса.

Влияние виртуального пространства на религию, в первую очередь, заключается в том, что оно становится неотъемлемой частью современной религиозной жизни - практически все религиозные вероучения, вне зависимости от их численности и юридического статуса, используют ресурсы глобальной компьютерной сети в своей деятельности. Увеличивается количество религиозных вероучений, которые действуют исключительно в виртуальном пространстве [7, с.35]. Особенности этих движений является, прежде всего, ориентация на пользователей глобальной компьютерной сети, менее жесткая регламентация правил поведения во время культовых действий, в результате чего происходит определенная модификация традиционного понимания социокультурного и сакрального концепта религии.

Под влиянием виртуальных религий в современном обществе формируется новая социальная группа – «киберверующие», для которых характерно удовлетворения своих религиозных потребностей преимущественно посредством виртуального пространства. При дальнейшем изучении этого явления возможно выявление особенностей динамики этой группы, а также анализ такого явления как «киберрелигиозность», что характеризует форму религиозного сознания в виртуальном пространстве.

Говоря о социокультурных преобразованиях, прежде всего следует акцентировать внимание на тенденциях, связанных с конвергенцией различных культурных традиций, амбивалентностью влияния на социализацию личности (социальная аутичность, интернет-зависимость), а также с возникновением виртуальных субкультур (например, компьютерные луддиты) и контркультур (например, хакеры, киберпанки).

Вовлеченность личности в виртуальное пространство Интернета влияет на язык общения в пространстве социальном: «язык в качестве важнейшего орудия культуры посредством информационной техники редуцируется к стандартизационным сокращениям, заранее данным категориям и установленным структурам, так что все, что не укладывается в эту схему, станет жертвой технократической селекции, подобно тому, как телевидение, ввиду лишенной понятийного и теоретического осмысления визуализации, может привести к утере творчества, многообразия и интеллектуальной автономии» [3, с.34]. Виртуальный сленг (в качестве примера можно привести «падонкаффский язык») иллюстрирует экстраполяцию элементов виртуальной субкультуры в культурное пространство современного общества.

Содержательно меняется система ценностных ориентаций, определяющая формы социального взаимодействия личности. Это создает своего рода

поведенческую дихотомию, поскольку включает совокупность норм и правил, реализуемых исключительно в виртуальном пространстве, и одновременно другую совокупность, реализуемую в условиях реального социального бытия. Эта дихотомия выступает проявлением культурной трансформации социальных паттернов. М.Хайдеггер характеризовал это как алогичность, как «бегство от мышления» [8, С. 116]. Перед личностью стоит проблема утраты собственной идентичности, что усиливается утилитаризмом современной техногенной цивилизации.

Литература:

1. Вершинин М. «Электронное правительство» в XXI веке // PR News. - 2001. - №6-7. – Электронный ресурс. – Режим доступа: URL: http://www.pr-news.spb.ru/publicat/n6_7/6-7_8.htm
2. Горский М. Информационно-управляющая функция денег // Проблемы информатизации. - 2001. - №2. – С. 108-116
3. Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе: антропология / под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - 640с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
5. Манюшис А. Виртуальное предприятие как эффективная форма организации внешнеэкономической деятельности компании / Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.ptpu.ru/issues/4_03/16_4_03.htm
6. Назарчук А. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого сообщества // Вопросы философии. – 2012. – №9. – С. 56 – 67.
7. Пальчинская М. Виртуализация религиозной жизни // Научный вестник ХДПУ.– Серия «Философия». – 2006. – Вып.22. – С. 29 – 36.
8. Хайдеггер М. Время и бытие /М. Хайдеггер. – М.: Наука, 1993. – 315с.

ФИЛОЛОГИЯ

Богоявленская Е.Д.

японский язык: преподаватель, переводчик

Институт лингвистики РГГУ, доцент

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ: ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ».

(на основе личного опыта переводчика и преподавателя)

Эпиграф 1: «Мысль формирует себя без утайки, во всей полноте; поэтому-
то

она легко находит и ясное для себя выражение. И синтаксис, и грамматика, и знаки препинания охотно ей повинуются».

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

(1826-1889 гг., писатель - сатирик)

Эпиграф 2: «Точность слова является не только требованием стиля, требованием вкуса, но, прежде всего, требованием смысла».

Константин Александрович Федин

(1892-1977, русский - советский писатель)

Вынесенные в эпиграфы определения писателей различных эпох и жанров очень метко характеризуют основные принципы, которые должны соблюдаться при работе переводчика с ЯЯ. Перефразируя эти эпиграфы, можно сказать, что задачи переводчика письменного японского текста состоят в том, чтобы, формулируя мысль на РЯ, твердо придерживаться соответствия **синтаксису, грамматике и знакам препинания** исходного языка (ИсЯ) и языка перевода (ЯзП). Основным требованием при этом должно стать правило **соблюдения стиля** и неукоснительного подбора максимально **точного перевода смысла отдельного слова**.

Проблемы перевода и переводоведения в ЯЯ занимают внимание автора в течение всей жизни и деятельности как переводчика устной и письменной речи, а также и через призму преподавания ЯЯ и, главным образом, преподавания по данной специальности как одного из разделов прикладной лингвистики. Вопросы теории и практики перевода с ЯЯ в методике преподавания в вузах всегда находились и находятся под пристальным вниманием любого преподавателя, но до сих пор в прикладной лингвистике, связанной с ЯЯ, нет комплексной методики обучения специальности «перевод и переводоведение».

На всех этапах преподавания я ставлю целью добиваться от студента умения: активно использовать в *устной речи* все заученные правила, лексику и иероглифические чтения ; *устно переводить на РЯ* любое и каждое прочитанное на ЯЯ предложение (при этом обращаю внимание: не пересказывать смысл, а переводить в соответствии с грамматическими нормами и правилами); грамотно и точно *переводить письменно* с РЯ тексты или предложения в рамках изучаемого материала; квалифицированно и адекватно *излагать письменно на РЯ перевод с ЯЯ* (со словарем) газетных и журнальных общих текстов и текстов по конкретной гуманитарной специальности студента.

На среднем уровне обучения следует добавлять спецкурс письменного перевода с ЯЯ. При этом необходимо добиваться умения переводить **на время**. Например, незнакомый текст объемом 500 японских знаков следует переводить с использованием словаря за один астрономический час (60 мин.).

Как видно из сказанного, в основе этой методики во всех вариантах упоминается как базовое положение «перевод с ЯЯ». На мой взгляд, человек, изучающий такой трудный иероглифический язык, как ЯЯ, попадая в любую группу общения, где есть японо-говорящие и русскоговорящие собеседники, волей-неволей может выступить в роли переводчика, даже если он и не работает им профессионально. А навык переводчика сам по себе не появляется и должен вырабатываться с помощью определенных методик.

Опираясь на длительный личный опыт устного и письменного переводчика, могу сказать, что до правил преодоления большинства трудностей перевода мне пришлось доходить своим умом. Причина в том, что в мои годы студенческой поры (а именно в 50-60-е годы XX века) в недавно (в 1956 г.) созданном Институте восточных языков (ныне ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова) не было никакой системы преподавания по специальности «перевод и переводоведение в ЯЯ». Даже владеющие языком специалисты, способные выступать в качестве переводчиков и имевшие подобный опыт переводчика (на советско-японском фронте второй мировой войны, например, Наталья Григорьевна Иваненко), не обладали методиками преподавания данной специальности. Они не имели в то время никаких учебников, изданных на русском языке и предназначенных не только для аспекта «перевод и переводоведение», но даже для преподавания ЯЯ вообще. Каждый преподаватель ЯЯ опирался на свой прошлый личный опыт переводчика и излагал на занятиях по переводу с ЯЯ частные правила, относящиеся к данному конкретному тексту и отдельным разделам грамматики ЯЯ. Стажировок в японских вузах для советских студентов тогда вообще не существовало.

Вот почему оказалось, что, когда по окончании ИВЯ мне пришлось прийти на работу «по распределению» в государственную туристическую компанию в качестве устного переводчика и гида ЯЯ, я была вынуждена «продолжать учить ЯЯ», как минимум еще в течение трех лет. С точки зрения современного жизненного и преподавательского опыта я считаю, что это время ушло на то, чтобы (для выработки навыков устного переводчика) накапливать и запоминать:

(1) лингвострановедческие и культурологические термины (в качестве «фоновых» знаний о Японии), связанные с лингвистическими особенностями устного перевода [1];

(2) терминологию и лексические фразеологизмы к экскурсиям по Москве [1,4];

(3) правила формальной, вежливой и скромно почтительной речи в ЯЯ и ее применения в практике коммуникаций (с японскими туристами) и т.д.

На следующем этапе своей жизни японского переводчика мне пришлось приступить к изучению основных правил и приемов письменного перевода с ЯЯ общественно-политических и экономических текстов из японской прессы.

Как оказалось на практике, принципы письменного перевода с ЯЯ резко отличались от принципов перевода устной речи, которым я занималась предыдущие 7 лет. И прежние навыки устного переводчика мало помогали на первых порах осваивать тексты на ЯЯ и адекватно передавать письменно их смысл на РЯ. Здесь была нужна отработка уже других методов:

(4) анализа грамматического строя сложных японских предложений [5];

(5) стилистического изложения, характерного для русского официального языка [3];

(6) применения и строгого соблюдения общепринятых фразеологизмов, штампов и клише письменной газетной и журнальной лексики [2,3].

Помеченные курсивом пункты, обозначающие принципы *устного (1) – (3) и письменного (4) - (6) перевода*, и ложатся в основу будущего пособия, в котором будет систематизирован не только накопленный опыт переводчика и преподавателя ЯЯ самого автора, но будут обобщены и многие другие проблемы теории и практики перевода.

Разумеется, современное состояние методики преподавания по специальности «перевод и переводоведение» значительно лучше. Появились методические и учебные пособия по отдельным аспектам этой специальности [См. 6,7,8,9,10]. Имеются и преподаватели ЯЯ с опытом работы переводчиков (как устных, так и письменных). Но единой универсальной методики по обучению специальности «перевод и переводоведение» в ЯЯ по-прежнему нет. По-прежнему каждый опытный преподаватель, он же – переводчик, опирается на собственный опыт и собственные разработки, отражающие отдельные направления и темы.

Для преподавания специальности ЯЯ «перевод и переводоведение» следует разработать такие аспекты, как: (1) история перевода в России / СССР, (2) лексические особенности (например, перевод японских собственных имен, газетных заголовков или реалий японского быта), (3) синтаксические различия ЯЯ и РЯ при переводе (в частности, трудности перевода с учетом знаков пунктуации в японском тексте), (4) перевод грамматических соответствий, (5) стилистические особенности перевода японских текстов.

И это станет предметом следующего полноценного исследования по специальности «перевод и переводоведение» в области японского языка.

Литература.

1. Богоявленская Е.Д. Страноведение Японии. Москва: ОАО «Япония-сегодня». 2004.

2. Reading Japanese Financial Newspapers. 新聞の経済面を読む. Revised and updated edition. Tokyo - New York – London: Association for Japanese-Language Teaching, Kodansha International, 1999.

3 水谷修・水谷信子、新聞で学ぶ日本語、読んで話す現代の日本、Mizutani Osamu, Mizutani Nobuko. Nihongo through Newspaper Articles. Tokyo: the Japan Times, 2000.

4. Богоявленская Е.Д. «Теория и практика перевода имен собственных в ЯЯ» / Сборник Ассоциации преподавателей ЯЯ РФ и стран СНГ «ЯЯ в ВУЗе:

актуальные проблемы преподавания». Выпуск 6./ Материалы научно-методической конференции «ЯЯ и проблемы преподавания» (октябрь 2011) . Москва: ИД «Ключ-С», 2011, стр.29-40.

5.Богоявленская Е.Д. «Некоторые аспекты теории перевода с ЯЯ и методические рекомендации по их преподаванию на среднем уровне обучения»./ Сборник РГГУ ИЛ «Восточные языки культуры», Материалы 1-й международной научной конференции 22-23 ноября 2007 года/. Москва: РГГУ, 2007, стр.264-267.

6.Фельдман-Конрад Н.И., Цын М.С. Учебник научно-технического перевода. Японский язык. М.:военное изд-во министерства обороны СССР, 1979(640 стр.).

7. Гривнин В.С.,(1)Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (лексические вопросы перевода), М.: МГУ, 1966. (2)Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (грамматические вопросы перевода), в соавт. с Корчагиной Т.И. М.: МГУ, 1972. (3) Основы перевода. Курс лекций. М.: МГУ, 1999.

8.Чиронов С.В. «ЯЯ. Экономический перевод». М.: изд-во МГИМО-Университет», 2007 (316 стр.).

9. Раздорская Н.В. «ЯЯ. Учебное пособие по общественно-политическому переводу для студентов II-III курсов», Издательство «МГИМО- университет», М., 2005 г. (158 стр.),

10. Грунина О. Н.(1.)Обучение переводу и реферированию информационно-аналитических текстов./ Сборник «ЯЯ в вузе: актуальные проблемы преподавания». Выпуск 3. / М.: «Спутник», 2009. Стр. 10-16. (2.) Проблема несовпадения понятийных полей при переводе с ЯЯ на РЯ./ Сборник «ЯЯ. Методика преподавания ЯЯ»/. М.: 2010. Стр.18-31. (3.) Грамматические особенности японской языковой картины мира и вопросы адекватного перевода./Сборник «ЯЯ в вузе: актуальные проблемы преподавания», выпуск 6/ , М.: ИД «Ключ –С».2011. Стр.41-49

Денисова А.К.
ИвГУ, аспирант

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ НОВЕЛЛ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА И ГЕНРИХА БЕЛЛЯ

Исследование посвящено функционированию лексических повторов в художественной речи на материале коротких рассказов писателей послевоенной Германии Вольфганга Борхерта и Генриха Белля.

Лексический повтор — стилистическая фигура, заключающаяся в намеренном повторении в обозримом участке текста одного и того же слова либо речевой конструкции. Лексические повторы различного вида широко используются для придания экспрессивности художественному тексту.

Лексические повторы служат развитию мысли и, соответственно, развитию семантического и лексического пространства художественного текста. Повторы не только скрепляют текст, но и делают его динамичным. Благодаря

лексическим повторам, создается общая идея, повтор является некоторым кодом, ключом, с помощью которого происходит переключение с одного предмета на другой, который, по замыслу создателя текста, является второстепенным.

В литературном произведении различные виды лексического повтора могут взаимодействовать и создавать связь элементов в семантической и структурно-синтаксической организации текста.

Способность повтора эксплицировать семантическое и структурно-синтаксическое содержание текста позволяет говорить об экспликации эмоционального состояния героев.

Лексические повторы изучались многими отечественными (И.Р. Гальперин, М.Д.Кузнец, Ю.М. Скребнев, В.М. Жирмунский, В.П. Летучева и др.) и зарубежными (В.Флейшер, Г.Михель; Д.Фаульзайт, Г.Кюн) исследователями. Ученые предлагают различные классификации лексических повторов, а также выделяют различные функции, в которых они выступают в тексте.

Предметом нашего исследования являются строевые синтаксические особенности лексических повторов и их функционально-прагматическая направленность.

Цель исследования заключается в описании различных видов повтора и раскрытии их функционирования в рамках текста художественных произведений.

Лексический повтор используется с целью: акцентирования какой-либо мысли говорящего, привлечения внимания собеседника, воздействия на слушающего. Письменный текст, в нашем случае короткие рассказы Вольфганга Борхерта и Генриха Белля, позволяет читателю проникнуть в глубину содержания произведения, а лексические повторы, которые использует автор, не только служат идентификатором личности и портрета героев произведения, но и являются маркерами связности текста. служит средством передачи эмоционального состояния говорящего, выражая при этом целый комплекс эмоций. Нередко лексический повтор используется для передачи и усиления эмоционального состояния, например, чувства волнения, беспокойства персонажа, которое передается через его внутреннюю речь, или чувства возмущения, негодования.

Таким образом, лексический повтор всегда связывается с общей идеей усиления, количественного нарастания признака или количественного возрастания упоминаемых объектов.

В ходе исследования нами было выделено несколько основных видов лексических повторов: анафора, эпифора, рамочные конструкции, анадиплосис, простой повтор, вариативный повтор и лейтмотив.

Также нами было выделено несколько основных функций лексических повторов:

1. Функция лейтмотива
2. Связующая, или интегрирующая функция

3. Стилистическая функция
4. Изобразительная функция
5. Текстобразующая функция
6. Экспрессивно-эмотивная функция
7. Функция создания подтекста

Особняком стоит функция лейтмотива. Рекуррентная встречаемость и высокая частотность некоторых лексических повторов в художественном тексте дают основание полагать, что данный вид повтора выполняет функцию лейтмотива, а сама лексема, ее смысл являются лейтмотивом произведения, т.е. магистральной смысловой линией сюжета произведения.

Одним из видов лексического повтора, выполняющих связующую функцию, является на наш взгляд анадиплосис – повтор слова в конце одного и в начале другого предложения. Главная роль данного стилистического приема заключается в тесной связи предложений между собой.

В художественных произведениях часто используется анафора – стилистическая фигура, роль которой заключается в повторении одних и тех же элементов в начале каждого стиха, предложения, абзаца. Анафора является средством выразительности речи и выполняет в тексте стилистическую функцию.

Изобразительную функцию в тексте художественного произведения нередко выполняют различные детали пейзажа и интерьера.

Текстобразующая функция – это способность повтора упорядочивать текст и отражать его композиционную структуру. Текстобразующая функция повторов заключается в их участии в организации формальной и семантической структуры текста, в выражении имплицитного смысла текста. Одним из видов лексических повторов, выполняющих текстобразующую функцию, является так называемый рамочный повтор.

Так называемая эмотивная, или экспрессивная, функция, сосредоточенная на адресанте, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций. (Якобсон 1975, 195). Экспрессивная (эмотивная) функция – выражение чувств с помощью языковых средств. Лексические повторы в экспрессивно-эмотивной функции демонстрируют отношение автора к происходящему в художественном произведении. Происходит это посредством передачи эмоций героев произведения. Чаще всего в данной функции выступают частицы, междометия.

Подтекст – скрытый, отличный от прямого значения высказывания смысл, который восстанавливается на основе контекста с учётом ситуации. В функции подтекста выступает рассредоточенный, дистанцированный повтор. Повтор различных лексем в новеллах В.Борхерта и Г.Белля несущих определенную смысловую нагрузку, выполняет функцию создания подтекста.

Наиболее часто лексические повторы в новеллах В.Борхерта выступают в текстобразующей функции.

Самым распространённым видом лексических повторов по результатам исследования стал простой повтор.

В семантической организации повествовательных текстов этого автора главенствующую роль выполняет присутствие в следующих друг за другом предложениях слов-номинаций, которые называют один и тот же объект.

В ходе исследования функционирования повтора в семантической организации текста удалось выделить следующие виды лексического повтора: простой, вариативный, местоименный, эллиптический.

В основе объединения предложений и абзацев текста лежит принцип цепной связи;

Параллельная связь построена на повторении аналогичных или полностью идентичных структурных рисунков входящих в них предложений.

Лексический повтор в нашем понимании представляет собой стилистическую фигуру, заключающуюся в намеренном повторении адресантом в обозримом участке текста одного и того же слова либо группы слов. Обращаясь к лексическому повтору, адресант текста сознательно использует слова-номинации, связанные отношениями семантической эквивалентности. Называя один и тот же объект, данные слова-номинации, входящие в одну тематическую парадигму, обращают внимание адресата на разные стороны называемого объекта, высвечивают его особенности, психологически воздействуют на адресата, возбуждая интерес к называемому объекту. Внедряясь в сознание адресата текста, они выстраивают в его когнитивной сфере определенные микросхемы и логические цепочки, вынуждающие ещё и ещё раз заострить своё внимание, например, на гамме чувств героя произведения, ещё и ещё раз проникнуться экспрессией его поступков и глубиной раздумий.

Понимая под основным семантическим стержнем текста прежде всего его связность, его целостность, заключающуюся в логико-семантической, грамматической и стилистической соотнесённости и взаимозависимости составляющих его элементов (слов, предложений и т. д.), на примере произведений В. Борхерта и Г. Бёлля в работе показано, каким образом различные виды лексического повтора, реализуемого в номинационной цепочке и в лейтмотиве, способствуют манифестации основного семантического стержня (связности) текста.

Обозначим перспективы данного исследования. В первую очередь отметим перспективу изучения лексического повтора как маркера связности художественного текста, то есть исследование данного явления в сугубо лингвистическом ключе с применением традиций функционализма и лингвопрагматики. Можно проверить отношение носителей языка к явлению лексического повтора и его использованию в новеллах В. Борхерта. Следующим пунктом дальнейшего исследования является проверка использования повторов на разных стилях речи.

ПРИМЕНЕНИЕ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Формирование терминосистемы является главным источником освоения специалистами той или иной области знания, а также средством их профессиональной коммуникации. Высокие темпы индустриализации и научно-техническая революция оказали сильное влияние на состав уже сложившихся терминосистем, которые продолжают пополняться в настоящее время. Наглядным примером терминосистема предметной области инклюзивного образования, так как на сегодняшний день одной из центральных проблем, стоящих перед мировым сообществом, признана реализация права на образование для всех.

Терминам гуманитарных дисциплин стало уделяться должное внимание только в середине XX века. Им были свойственны неоднозначность, оценочность, стилистическая маркированность, так как они включают в себя этический аспект, который, в свою очередь, предусматривает наличие эмоциональности [4, с. 43].

Процесс появления и формирования инклюзивного образования начался в США и Великобритании в рамках национальной образовательной программы 1970-х годов XX века. Инклюзивное образование – междисциплинарная предметная область, которая возникла на стыке медицины, специальной педагогики и психологии [2, с. 89]. В основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивает равное отношение ко всем людям и создает особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности. Это дети с ограниченными возможностями здоровья, а также дети, которые говорят на другом языке и принадлежат иным культурам [1, с. 134-136].

В структуре развитых национальных языков начали формироваться так называемые языки для специальных целей (language for special purposes - LSP).

По мнению О.А. Зябловой «LSP – это такая система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период особый уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» [6, с. 36].

Основным критерием при выделении языка для специальных целей является его предметная отнесенность и соответствующая коммуникативная сфера общения. В языках для специальных целей важную роль играет связь информации со знанием и использование терминов в речевой деятельности. Многие терминоведы (Володина М.Н. Манерко Л.А., Новодранова В.Ф., Снеткова Н.В., Ельцова Л.Ф) считают, что термины, с помощью которых общаются специалисты определенной области знания, являются особыми

когнитивными структурами-фреймами. Информация о мире, извлекаемая из опыта, хранится в памяти человека не в хаотическом беспорядке, а в виде связанных конструкций, именуемых «схемами», «сценариями», «фреймами», которые «соотносятся с концептуальной моделью данной области знания и могут быть представлены в виде каркаса или древовидного графа» [5, с. 150-155].

Для описания LSP выделяется определенная предметно-познавательная область, описанием и объяснением которой он связан. Иными словами, разумным представляется создание фреймовой структуры выбранной области знания. В данном случае, фрейм будет являться особой унифицированной конструкцией знания или связной схематизацией опыта [3, с. 56].

После того, как новое слово появляется в лексиконе, ему необходимо закрепиться в определенной категории и пройти процесс субкатегоризации. Носители языка держат в своей памяти тысячи отдельных непохожих друг на друга по значению и звучанию единиц. Лексическая система языка, в том объеме, в котором ею владеет говорящий, является функцией памяти, из которой говорящие извлекают нужные им для коммуникации единицы.

Далее слово проходит процесс конвенционализации (усвоение обществом) и лексикологизации (усвоение системой языка). Действие инференции (проникновения) проявляется, когда слово воспринимается слушателем. Значение нового слова должно восприниматься слушателем в соответствии с уже существующими в его когнитивной структуре фреймами. Он должен искать подходящий фрейм, в который необходимо поместить новую информацию [7, с. 24-25]. Существует порог новизны, за которым действие инференции невозможно, например, если у новой информации не образуется никакой связи с уже существующей когнитивной системой, то происходит нарушение коммуникации, поскольку когнитивная система слушающего должна узнавать новое слово. Следовательно, для успешного действия инференции необходим баланс между новой и старой информацией.

Суть фреймового анализа состоит в определении макроуровня всей терминосистемы инклюзивного образования и выделении его подразделов. Выявление элементов фреймовой структуры терминосистемы опирается на определение основных концептов исследуемой предметной области знания, в совокупности составляющих ядро терминосистемы, структурирование которой позволяет выявить системность изучаемой терминологии.

Ядро терминосистемы – основное понятие, от которого расходятся другие понятия, обозначающие виды, признаки, функции, процессы и смежные объекты [7, с. 24-25]. Так, можно представить терминосистему инклюзивного образования в виде следующей схемы, центральным понятием которой является *Inclusive Education*. Оно, свою очередь объединяет три основных/базисных концепта (*Students With Special Needs, Migrants, Gifted Students*). Выделяемые подразделы основываются на основных определяющих их элементах.

При дальнейшем концептуально-языковом анализе этих концептов выявляется, что их терминология имеет собственные базисные концепты (*hard*

of hearing, deafness, disability, teacher-student relations, intervention, creation etc.), которые являются субфреймами концептов *Students With Special Needs, Migrants* и *Gifted Children*. Вертикальная структура позволяет увидеть открытость границ, поскольку опорные концепты фреймовой схемы представляют собой самостоятельные фреймы, имеющие собственную структуру.

Так, метод фреймового анализа устанавливает иерархическую упорядоченность концептуальных признаков, которые образуют отдельные слоты, соотносящиеся с ядром-именем понятия, а специфика формирования англоязычной области инклюзивного образования и тенденции ее развития отражаются на терминологическом составе данной предметной области и специальной педагогики в целом.

Литература

1. Борисова, Н. В. Инклюзивное образование: ключевые понятия / Н. В. Борисова, С. А. Прушинский. М.: Перспектива; Владимир: Транзит-ИКС, 2009. – С. 134-195.
2. Кантор И.М. Понятийно-терминологическая система педагогики: Логико-методологические проблемы. [Текст] – М.: Педагогика, 1980. – 158с.
3. Капанадзе Л. А. Термины и их функционирование. [Текст] – М.: Наука, 1982. – 73с.
4. Лотте Д. С. Как работать над терминологией. // Основы и методы. – М., 1968. – С. 43-84.
5. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В.Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.М. Лейчика. – М.; Рязань, 2003. – С. 150-155.
6. Стратификация экономических текстов и их насыщенность специальными терминами (на материале немецкого языка) [Текст] / О. А. Зяблова // Вопросы филологии. – 2005. – N 2. – С. 35-36.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 24-25.

Миронина А. Ю.,

кандидат филологических наук

Вятский государственный гуманитарный университет, доцент

Шулятьева Е. С.

Вятский государственный гуманитарный университет, студент

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Научный стиль речи – одна из функциональных разновидностей литературного языка, обслуживающая сферу науки и производства. Он реализуется в специализированных текстах разных жанров.

Основная функция научного стиля – передача логической информации и доказательство её истинности. В зависимости от тематики обычно выделяют научно-техническую, научно-естественную, научно-гуманитарную разновидности научной речи. Кроме того, в зависимости от конкретных задач и

сферы использования можно выделить такие подстили, как собственно научный, научно-информативный, научно-справочный, патентный, учебно-научный, научно-популярный [1].

При всём разнообразии разновидностей и жанров научный стиль характеризуется единством наиболее важного, организующего стиль признака. Доминанта научного стиля – понятийная точность, подчёркнутая логичность речи.

Точность научной речи предполагает отбор языковых средств, обладающих качеством однозначности и способностью наилучшим образом выразить сущность понятия, то есть логически оформленной общей мысли о предмете, явлении. Поэтому в научном стиле избегают употреблять различные образные средства. Исключение в данном случае составляют рецензии научных или научно-популярных произведений, где рецензенты зачастую прибегают к использованию эвфемистических переименований.

Термин *эвфемизм* (euphemism) образован от греческих «*eu*» и «*phemi*», которые в древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого переводятся как «произносить слова благоприятного значения, то есть воздерживаться от неподобающих слов, не кощунствовать или хранить благоговейное молчание» [2, с. 89].

Суть эвфемистической замены сводится к замене любого нежелательного или недозволенного слова или выражения более корректным, что позволяет избежать прямого наименования всего, что может вызвать негативные ассоциации у адресата, скрыть определенные факты действительности и тем самым обеспечить говорящему достижение коммуникативной цели [3, с. 11].

Эвфемизмы являются прагматически маркированными языковыми единицами, предназначение которых не только осуществлять референтную функцию, но и вуалировать то или иное содержание высказывания.

В качестве фактического материала в ходе исследования использовались рецензии на выпускные квалификационные работы студентов ВУЗов и отзывы о кандидатских диссертациях.

Рецензии относят к жанру научной критики. Рецензия (от лат. *recensio* – рассмотрение) – это краткая оценка научно-исследовательской работы, написанная независимым экспертом. Комментарий рецензента носит рекомендательный характер, поэтому часто используются глаголы в условном наклонении или глаголы, имеющие факультативный оттенок:

Было бы целесообразнее сосредоточиться во второй главе на более тщательном текстологическом анализе трагедии Драйдена и попытаться сопоставить требования, которые критик предъявлял к трагедиям, с тем, что делал на практике.

Кроме того нередко рецензенты в своих комментариях используют эвфемистические переименования, основанные на литоте, стилистической фигуре, состоящей в намеренном преуменьшении или недоговорённости.

Например, *незначительные опечатки, недостаточно разработаны..., не всегда указаны (ссылки), не вполне понятно, практически не проанализировал (проблематику).*

Рецензент, как правило, не навязывает своё мнение и не диктует обязательные условия, а лишь предлагает пути усовершенствования данной научной работы и выражает свою точку зрения. Это выражается при помощи различных словосочетаний:

На наш взгляд, хотелось бы видеть, представляется целесообразным, уместнее было бы.

Также рецензент часто выражает своё сожаление в связи с тем, что работа могла бы быть выполнена на более высоком уровне:

В работе собран богатый фактический материал, но, к сожалению, автор ограничивается выделением стилистических приемов и перечислением всех примеров с отдельными элементами анализа.

С сожалением можно констатировать, что Т.А. Курникова практически не проанализировала общность проблематики пьес О. Уайльда и М. Метерлинка.

Более того нередко встречаются случаи, когда автор рецензии опускает некоторые детали и недочёты и характеризует работу в общем и целом:

В целом работа представляет законченное исследование, а ее автор заслуживает хорошей оценки.

Однако перечисленные выше замечания не затрагивают основных положений диссертации, не носят принципиального характера и не умаляют в общем достоинства работы, ее научной значимости и научной перспективы.

Рецензенты дипломных работ зачастую выносят оценку в обтекаемой форме и используют следующие формулировки: *заслуживает высшей оценки, вполне отвечает требованиям, заслуживает положительной оценки и т.п.* Нельзя не отметить тот факт, что большинство рецензий на «слабые» выпускные работы студентов заканчивает фраза:

Работа представляет законченное исследование, а ее автор заслуживает положительной оценки.

Согласно проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что несмотря на присущие научному стилю чёткость, логичность и точность, можно нередко встретить слова и выражения, призванные смягчать то, что имеется в виду на самом деле.

Литература

1. http://www.licey.net/russian/culture/5_2
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под. ред. С. И. Соболевского. – М., 1958. – С. 89.
3. Миронина А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 19 с.

Пелевина Н.Г.,
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и лингводидактики СКФУ (Ставрополь)
Зацепина О.В.,
магистрант кафедры лингвистики и лингводидактики СКФУ
(Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА “FEAR/СТРАХ” В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.

Концепт как лингвокультурологическая и лингвокогнитивная категория представляет значительный интерес для современной науки о языке.

Приверженцы когнитивного подхода определяют концепт, как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [3, 34].

Классическим определением концепта с лингвокультурологических позиций стало определение, данное Ю.С. Степановым, согласно которому, концепт представляет собой сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [5, 40].

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно говорить о том, что когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Совокупность концептов, концентрирующих в себе всю культуру нации, образует концептосферу данного языка. Концептами, согласно такому подходу, могут быть любые лексические единицы, в значении которых просматривается способ (форма) семантического представления. Лингвокультурологический подход относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры.

Актуальность постановки вопроса о необходимости комплексного изучения национально-культурной специфики концепта «страх» обусловлена в первую очередь востребованностью в выявлении специфики его дискурсивного проявления в английской лингвокультуре, а также в рассмотрении способов языковой репрезентации и прагматической реализации данного концепта в художественных произведениях английских писателей.

Для определения понятия страх, мы сочли целесообразным провести анализ словарных толкований лексического значения «страх» в английском и русском языках. Используя данные толковых словарей (Ожегова, Oxford English Dictionary) мы выявили, что в русской и английской культурах

существуют близкие друг другу определения концепта “fear/страх”. В обоих языках каждая лексема обозначает чувство испуга, тревоги, волнения, боязни, которое появляется в результате реакции на опасность.

Проанализировав синонимические ряды лексем (Словарь синонимов русского языка, Oxford English Dictionary) мы пришли к выводу, что лексема *fear* является доминантой синонимического ряда.

Анализ лексикографических изданий также позволил нам выделить универсальную и национальную специфику концепта “fear” в английской культуре, позволил установить, что концепт “страх” отображает сложную систему духовно-морального и психологического измерений языковой картины мира и внутренней, духовной жизни личности.

Исследуя концепт «страх/fear» мы придерживались полевой модели, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, которая состоит из ядра, базовых слоев (от менее абстрактных к более абстрактным), интерпретационного поля концепта (периферия), содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [3, 64].

Материалом для исследования средств репрезентации концепта «страх/fear» послужили художественные произведения английских авторов: “Fear is the Key” by A. MacLean («Страх открывает все двери». Алестэр Маклин.), “The Ministry of Fear” by G. Greene («Ведомство страха». Грэм Грин.) и “Death under sail” by C. P. Snow («Смерть под парусом». Чарльз Перси Сноу).

Проанализировав 94 контекста из вышеназванных произведений, мы выделили ядро концепта – лексему *fear* и большое количество синонимов данной лексемы, значения которых тождественны или предельно близки значению ключевого слова и которые могут составлять периферию данного концепта.

В ряде контекстов, авторы вышеупомянутых произведений описывают страх как физиологическое состояние, так как для англичанина переживание страха сопряжено с внешними физическими неудобствами. Выражение лица, глаз, губ, изменения в дыхании и голосе являются наиболее информативными. В этой связи приведем следующие примеры:

...that you couldn't let things stay as they were, with innocent struggling in fear for breath and dying pointlessly [G. Greene, “The Ministry of fear”]. – Это состояние, когда невозможно все оставить как есть, невинно борясь в страхе за каждый вздох и бессмысленно умирая.

Vyland's voice was a weak incredulous whisper, his eyes near-crazed with fear [A. Maclean, “Fear is the key”]. – Голос Вайлэнда стал слабым недоверчивым шепотом, а глаза обезумевшими от страха.

В следующем примере страх имеет положительную трактовку, он придает девушке силу, чтобы справиться с угрозой.

Fear and desperation gave the girl strength [A. Maclean, “Fear is the key”]. – Страх и отчаяние придали девушке силы.

Однако авторы произведений используют не только приёмы логической аргументации, но и выразительные языковые средства для того, чтобы

оказывать сильное эмоционально-психологическое воздействие на читателя. Приведем следующие примеры, в которых авторы используют эпитеты с целью раскрытия чувства страха, которые испытывают персонажи произведений.

Suddenly Avice gripped my arm, and ran forward a few steps towards the tiller. I followed with a sudden fear [S. P. Snow, “Death under sail”]. – Внезапно Эвис схватила меня за руку и потащила к румпелю. Я последовал за ней с чувством внезапного страха.

I felt a chill, and I think that all of us had an oppressive fear as we eyed each other [S. P. Snow, “Death under sail”]. – Я почувствовал озноб и подумал, что каждого из нас охватил подавляющий страх, как только мы посмотрели друг на друга.

Не менее важны такие синтаксические стилистические приемы как повтор, полисиндетон, которые авторы используют, чтобы продемонстрировать состояние напряжения или стресса персонажа.

He was loaded to the eyes or he was driven by fear – fear that I should escape and Vyland find out that he had been trying to murder me [A. Maclean, “Fear is the key”]. – Он был одурманен наркотиком или его вёл страх – страх, которого я должен избежать или Вайланд узнает, что он пытался убить меня.

All the information you’re ever told is a mixture of true facts and false facts floating on the surface of a great mass of wishes and fears and memories [S. P. Snow, “Death under sail”]. – Вся информация, которую вы когда-либо сообщали это смесь реальных и ложных фактов, плавающих на поверхности большого количества пожеланий и страхов и воспоминаний.

Исследование контекстов из художественных произведений английских авторов позволяет сделать вывод о том, что релевантность синонимов по параметру частотности употребления убывает от *anxiety, terror, horror, dread, concern, suspense* до *fright, shock, dismay, distress, panic*. Следовательно, первая группа синонимов относится к ближней периферии, вторая группа – к дальней периферии. Приведем несколько примеров:

They had lost sufficient of their immediate terror of death [A. Maclean, “Fear is the key”]. – Они потеряли достаточно от страха приближающейся смерти. В этом примере автор описывает страх как угрозу жизни, используя устойчивое выражение. Лексема *terror* выражает сильный страх таинственной природы.

Anger I had expected, anger and fury and horror and heartbreak and maybe more than a little of fear [A. Maclean, “Fear is the key”]. – Злости я ожидал, злости и ярости, и ужаса, и горя, и может даже больше, чем немного страха. Использование в данном контексте нескольких стилистических приемов, таких как инверсия, полисиндетон, повтор позволяет усилить воздействие на читателя и подчеркнуть проявление страха в своей высшей точке - ужасе. Слово *horror* обозначает страх смешанный с другими чувствами, что и показано в данном примере.

В следующем контексте подчеркивается физическое ощущение страха через лексему *shock*.

I watched the flame until it burned steadily, and then turned round – to meet a shock which sent me cold [S. P. Snow, “Death under sail”]. – Я смотрел на огонь пока он горел, а затем обернулся и испытал шок, от которого я похолодел.

Таким образом, вышеприведенные контексты художественных произведений английских авторов свидетельствует о том, что страх может выражаться как чувство, физиологическое состояние, испуг, угроза жизни, волнение, причина каких-либо действий.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что проанализированные языковые средства позволяют выявить национально-культурную специфику номинативных единиц, отражающих ценностную картину носителей языка.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник, 11-е издание, 2001 г., издательство "Русский язык", 568 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: 1987. – с. 611
3. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Монография. - Воронеж, 2001 – 191с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп.- М.: Академический проект, 2004. - 991 с.
6. Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner, Clarendon Press, 1989.
7. Greene G. Ministry of fear. – Penguin classics, 1943. – 224p.
8. Maclean A. Fear is the key. - Fawcett, 1961. - 256 p.
9. Snow C.P. Death under sail. – New York: First Avon Printing, 1970. – 244p.

Исмагулова А. Е.,

к.ф.н., доцент,

зав. кафедрой английского языка и МП

факультет филологии и педагогики

КГУ им. Ш.Ш. Уалиханова

Закирова Э. М.,

магистрант 1-го курса,

кафедра английского языка и МП

факультет филологии и педагогики

КГУ им. Ш.Ш. Уалиханова

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЗА РУБЕЖОМ

В данной статье рассматривается относительно новое явление в отечественной системе образования – инклюзивное обучение детей с ограниченными возможностями. Проводится анализ опыта получения

образования детьми с ограниченными возможностями здоровья за рубежом. Изучается вопрос актуальности развития инклюзивного образования в Республике Казахстан.

Ключевые слова: специальное образование, инклюзивное образование, инклюзия, дети с ограниченными возможностями, дети с особыми образовательными потребностями, мейнстриминг.

Все более актуальной в наши дни становится проблема отношения к людям с ограниченными возможностями. Их число, как во всем мире, так и в Казахстане, имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, на нашей планете проживает около 1 миллиарда людей с ограниченными возможностями. В Республике Казахстан данный показатель составляет 494,4 тысяч человек (по состоянию на 1 января 2014 года). В большинстве западных стран они имеют свободный доступ к обучению в школах и университетах, в которых также учатся их здоровые сверстники. В Казахстане инклюзивный подход к обучению детей с ограниченными возможностями находится пока в стадии внедрения и развития. Наша Республика делает первые шаги в этом направлении.

Инклюзивное образование – это термин, который используется для описания процесса обучения детей с особыми потребностями в общеобразовательных школах. “Инклюзивное образование - процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех детей, что обеспечивает доступ к образованию для детей с особыми потребностями” [1, с. 2].

Ключевые принципы инклюзивного образования:

- дети с ограниченными возможностями ходят в местный (находящийся рядом с домом) детский сад и школу;
- дети участвуют в мероприятиях (спортивные мероприятия, представления, конкурсы, экскурсии и пр.);
- индивидуальное детское обучение поддерживается совместной работой учителей, родителей и всеми теми, кто может оказать такую поддержку;
- инклюзивное образование, если оно основано на правильных принципах, помогает предотвратить дискриминацию в отношении детей, и поддерживает детей с особыми потребностями в их праве быть равноправными членами своих сообществ и общества в целом [2, с. 1].

Анализируя опыт получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья за рубежом, мы понимаем, что процесс внедрения и развития инклюзивного образования является долгосрочным и требующим как поддержки со стороны государства (на уровне законодательной базы, финансирования), так и всего населения. Также, развитие системы инклюзивного образования «является одним из решающих шагов в содействии изменению дискриминационных воззрений, в создании благоприятной атмосферы в общинах и в развитии инклюзивного общества»[4, с. 1].

В мировой практике, уже начиная с 1970-х гг., ведется разработка и внедрение пакета нормативных актов, которые способствуют расширению

образовательных возможностей детей с особыми образовательными потребностями [5, с. 2]. В образовательной системе Европы и США свое развитие получили несколько подходов: расширение доступа к образованию, десегрегация школ, интеграция, мейнстриминг, инклюзия. Мейнстриминг является такой стратегией, когда ученики с инвалидностью общаются со своими сверстниками в различных досуговых программах, на праздниках, а если они и включены в классы массовой школы, то, прежде всего для повышения своих возможностей социальных контактов, но не для достижения образовательных целей. Интеграция означает приведение в соответствие потребностей детей с психическими и физическими нарушениями с системой образования, остающейся в целом неизменной: ученики с инвалидностью, посещая массовую школу, не всегда учатся в тех же классах, что и все остальные дети. Инклюзия - это наиболее современный термин, который означает следующее: это реформирование школ и перепланировка учебных помещений таким образом, чтобы они отвечали нуждам и потребностям всех без исключения детей.

В настоящее время в большинстве западных стран важность интеграции детей с ограниченными возможностями является безусловной и неоспоримой. Государственные образовательные учреждения получают бюджетное финансирование на детей с особыми потребностями, и, соответственно, заинтересованы в увеличении числа учащихся, официально зарегистрированных как инвалиды.

Инклюзивное образование в Республике Казахстан делает только свои первые шаги. Более 150 тысяч детей, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, живут в нашей стране и нуждаются в нашей поддержке. Один из путей преодоления их проблем – это продвижение идеи инклюзивного образования, о котором говорится в Конвенции о правах инвалидов, подписанной Казахстаном в 2008 году [3, с. 1].

В Казахстане приоритетными направлениями деятельности по развитию образования детей с ограниченными возможностями здоровья являются следующие направления: “Первое направление — выявление недостатков в развитии детей и организация коррекционно-педагогической работы на максимально раннем этапе. Начальным звеном системы специального образования в республике является психолого-медико-педагогическая консультация (ПМПК), которая устанавливает право ребенка на получение образовательных, медицинских и социальных услуг, определяет их потребности в специальных образовательных условиях. Сегодня в стране действуют 56 областных, городских и районных ПМПК, в том числе одна республиканская” [6, с. 2]. Второе направление — это создание условий для реализации права на образование всех категорий детей с учетом их психофизических особенностей. В настоящее время в республике действуют: специальные (коррекционные) организации образования, специальные группы при детских садах общего типа и специальные классы в общеобразовательных школах. Одним из компонентов этого направления является деятельность координатора. “В целом она ориентирована на качественное управление

процессом включения «особого» ребенка и его семьи в образовательную среду. Руководство образовательного учреждения, вступающего на путь инклюзии, должно обеспечить и адаптацию всех остальных участников образовательного процесса – родителей, детей, педагогов к новым условиям. В связи с этим в учреждениях появляется новая функция – координация инклюзивной практики” [6, с. 3]. Третьим направлением является развитие инклюзивного образования. “Средствами выступают не изоляция детей и создание устойчивого представления о собственной неполноценности, а построение социальной траектории в жизни, которая может быть решена только через включение детей с ограниченными возможностями в среду детей обычного развития, совместного обучения, организации их совместного досуга, оказание им взаимоподдержки” [6, с. 2].

Не смотря на то, что Казахстан находится в процессе внедрения инклюзивного образования, по-прежнему остается ряд нерешенных проблем и барьеров: отсутствие специально подготовленного педагогического состава; плохая материально-техническая оснащенность учебных заведений; барьер физического доступа (это касается категории детей с ограниченной мобильностью, которые по уровню развития своего интеллекта смогли бы обучаться в общеобразовательной школе и быть успешными, но пока в школах не созданы условия для таких детей). Задачи, которые стоят на начальном этапе процесса внедрения инклюзивного образования, это: гармонизация нормативно-правовых актов в области специального и общего образования; ранняя диагностика отклонений в развитии у детей и ранняя коррекция этих отклонений; включение данной категории детей в процесс обучения в массовых детских садах, школах, колледжах и ВУЗах; специальная подготовка кадров; создание специальных обучающих материалов; создание оптимальных условий для полноценных инклюзивных групп и классов; проведение информационно-просветительской работы среди научно-педагогического сообщества и общества в целом; изучение отечественного и зарубежного опыта внедрения инклюзивного образования. Постепенное решение всех этих задач позволит Казахстану осуществить полное внедрение и развитие инклюзивного образования.

Список литературы:

1. Дроздова О., Райзер Р. и др. На пути к инклюзивной школе. Пособие для учителей. 2005г. – 48 с.
2. Материалы Альянса правозащитных организаций «Спасите детей» («Save the children»), интернет ресурс // <http://www.savethechildren.net/>
3. Конвенция о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года, интернет ресурс // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
4. Саламанкская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями, принятые Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: доступ и качество, Саламанка, Испания, 7-10 июня 1994 года, интернет ресурс // <http://www.un.org/russian/documen/declarat/salamanka.pdf>.

5. Панасенкова М. М. Методические рекомендации для педагогических работников образовательных учреждений по организации работы с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья в условиях инклюзивного образования/ – Ставрополь: СКИРО ПК и ПРО, 2012. – 46 с.

6. Национальный отчет по развитию образования Республики Казахстан, Министерство образования и Науки Республики Казахстан, 2008г., интернет ресурс // <http://www.inclusion.kz>.

7. Митчелл Дэвид. Эффективные педагогические технологии специального и инклюзивного образования (Использование научно-обоснованных стратегий обучения в инклюзивном образовательном пространстве). /Главы из книги, пер. - Аникеев И.С., Борисова Н.В. - М., РООИ "Перспектива". - 2009г.

Гарифуллина А.В.
ФГБОУ ВПО «ЧелГУ»
Факультет Евразии и Востока
Студентка 4 курса

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.

Мировое сообщество, вступая в третье тысячелетие, столкнулось с группой проблем, от решения которых зависит дальнейшая судьба цивилизации. Нарастающие глобальные проблемы прямо влияют на прогресс общественного развития. Основной ареной для их решения стала Организация Объединенных Наций, юбилей деятельности которой отмечается в 2015 году. Создание ООН началось еще в ходе Второй Мировой войны на Московской конференции в 1943 году, на конференции в городе Думбартон-Окс в США в 1944 году и на Крымской конференции руководителей ведущих стран антигитлеровской коалиции в 1945 году. Война, как способ решения международных проблем, несущих с собой массовые разрушения и гибель многих людей, осуждалась всеми народами. Тем самым, ООН – это результат международной политики государств, сражавшихся против фашизма.

Историческим событием является 24 октября 1945 года – день создания Организация Объединенных Наций. Пять стран – постоянных членов Совета Безопасности – ратифицировали Устав ООН, в преамбуле которого было прописано следующее: *«Мы, народы Объединённых Наций, в полной решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, стремимся вновь утвердить веру в основные права и свободы человека»* [4].

Организация начала работать бесперебойно, безотказно следовала своему предназначению. Своей целью она ставила укрепление мира и безопасности и развития сотрудничества между государствами. В первые годы «холодной войны» регулярно проводились саммиты между президентами США и лидерами СССР для обсуждения таких проблем, как контроль над ядерным оружием. «Мы должны все время еще и еще раз предупреждать об опасности; мы можем и должны всеми силами добиваться того, чтобы народы мира и особенно их правительство прониклись сознанием всего ужаса катастрофы, которую они наверняка вызовут, если не изменят своего отношения друг к другу и своего подхода к задаче построения будущего», – писал А. Эйнштейн, обращаясь к мировому сообществу. Тем самым выражалась надежда, что деятельность ООН будет способствовать мировому сотрудничеству всех государств. Новую мировую войну удалось предотвратить, но локальные конфликты были неизбежны. Например, вспыхнувшие войны в Корее и Вьетнаме. С окончанием «холодной войны» появилась надежда на прочный мир, однако он оказался под угрозой в силу возникших новых очагов напряженности. Новые отношения между Западом и Советским блоком были

испытаны в августе 1990 года во время вторжения Ирака в Кувейт. Отказ Ирака покинуть Кувейт привел к ультиматуму Совета Безопасности ООН, установившему крайний срок для вывода войск. Президент Ирака Саддам Хусейн ответил отказом, и войска союзников – коалиции из 39 государств, созданной по инициативе ООН и США, – пять недель спустя овладели Кувейтом и вступили в Ирак. Китай и СССР не принимали участия в войне, хотя Китай и оказал «молчаливую» поддержку, а СССР сыграл важную роль в переговорах в конце войны. Война в Персидском заливе укрепила престиж ООН, продемонстрировав, что окончание «холодной войны» открыло новые возможности для международного сотрудничества.

Однако события в Ираке 2003 года поставили под сомнение способность ООН решать такие проблемы. Это подтвердил и 2011 год – события «Арабской весны».

Последнее время очень часто идут разговоры о том, что пора усовершенствовать ООН, дать ей второе дыхание путем проведения реформ, которые были предложены в последнее время. Среди причин, указывающих на необходимость реформирования, можно указать: бюрократизация аппарата управления, снижение международного авторитета самой организации; фактически самоустранение от регулирования важных региональных проблем, передача их в руки НАТО или Европейского Союза. ООН только ограничивается проведением общих дискуссий и даже не пытается вернуть ситуацию в международно-правовое поле. Это наглядно продемонстрировало игнорирование решений ООН ведущими странами при решении сирийского вопроса.

Одни специалисты считают, что в первую очередь нужно пересмотреть главную основу Организации – её Устав. Ведь был он написан более полувека тому назад, и некоторые его положения могут уже не соответствовать нашему современному миру. Другие предлагают реформировать непосредственно структуры ООН.

Многочисленные источники отдают роль лидера в реформировании ООН США (как крупнейшему финансовому донору этой организации) или ЕС. Такая точка зрения обоснована тем, что РФ ослабила свои позиции в международной политике. Впрочем, мировому сообществу необходимо учитывать мнение России как постоянного члена Совета Безопасности, и как страны, пытающейся проводить политику примирения.

Реформирование Совета Безопасности ООН – самый острый и болезненный вопрос, по которому государства-члены в течение длительного времени не могут прийти к компромиссу. США не были готовы видеть в качестве новых членов Совета Безопасности развивающиеся государства (например, Индию), поскольку это могло значительно затруднить работу через данный орган и оказание влияния на решения в нем. В Совет Безопасности они готовы были принять в ограниченном количестве те страны, которые являлись их союзниками, и чьи голоса по наиболее важным вопросам в ООН не противоречили США (Японию) [5, с.111-116].

Другим камнем преткновения в работе современной ООН является право «вето» постоянных членов организации. В 2011 году премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган призвал упразднить статус постоянных членов Совета Безопасности ООН, заявив, что «весь мир фактически находится в рабстве у решений этих пяти постоянных членов» [3]. Вместе с этим, при наличии права «вето» у отдельных государств, остановить военную агрессию войск НАТО в Ливию оказалось невозможным.

Таким образом, поступают предложения упразднить систему «вето» в целом или изменить собственно структуру Совета Безопасности, а также порядок принятия решений. Тем не менее, на данном этапе международных отношений отменять эту систему будет абсолютно невыгодно для российской внешней политики. Несмотря на то, что данная система в какой-то мере не идеальна, право «вето» для Российской Федерации нужно беречь как «зеницу ока». Это залог будущего РФ в международных отношениях [1, с. 115-117].

То же самое можно сказать и о санкциях (например, против Ирана), которые наглядно показали слабости ООН. Оказалось, что ни ООН, ни Совет Безопасности не располагают сколько-нибудь надежной системой контроля над подобными мерами и их адекватным исполнением. При свободной интерпретации санкций некоторыми членами Организации они начинают использоваться как оправдание действиям, которые никогда в ООН и не обсуждались. Конечно, это не значит, что ООН должна прекратить пользоваться данным методом. Впрочем, о повышении статуса санкций Организации и об улучшении контроля над их соблюдением стоило бы задуматься [2, с. 15-19].

Любые реформы в стенах ООН возможны только в том случае, если полностью поменяют концепцию поведения все (по крайней мере, ключевые) страны мира, которые в конечном итоге и управляют миром. Если же одни будут действовать согласно «новому мышлению XXI века», а другие станут решать вопросы голосования в ООН или определять прозрачность расходов в ооновских структурах, исходя из постулатов пятидесятилетней давности, то никаких изменений быть просто не может.

Таким образом, для разрешения проблем ООН можно определить различные пути реформирования, но необходимо просчитывать перспективы в их реализации:

1. Реформа структуры ООН. Структура близка к идеалу, на данном этапе создать иную, более эффективную схему невозможно.

2. Изменить место нахождения штаб-квартиры. Из Нью-Йорка организацию перенести в Женеву или в Шанхай. В общем, где именно находится штаб-квартира ООН – второстепенный вопрос, это не усилит и не ослабит организацию. Тем более, решение о том, чтобы штаб-квартира находилась в США, было принято при поддержке Советского Союза.

3. Расширение Совета Безопасности за счет Германии, Бразилии, Японии, Индии, Мексики. Главная задача Совета Безопасности ООН – это поддержание международного мира и безопасности. И ясно, что для того, чтобы принимать быстрые оперативные решения, Совет Безопасности должен быть достаточно

компактным. Это говорит о том, что расширять Совет Безопасности до больших размеров, чтобы всех удовлетворить, просто невозможно.

В заключении отметим, что Российская Федерация – активный и системообразующий член ООН. Она за стабильность, за укрепление ООН. Во многом благодаря гигантскому, напряженному труду предыдущего поколения наших дипломатов и удалось создать ООН в том оптимальном виде, в каком она существует. Поэтому, на наш взгляд, независимо какое будущее ожидает организацию, ее деятельность не будет полноценной без участия нашей страны.

Литература:

1. Беленкова Е. Современные дискуссии о реформировании Организации Объединенных наций // Власть. – 2011. – №12. – С. 115-117

2. Оганесян А. Реформа ООН: европейский вектор // Международная жизнь. – 2011 г. – №7. – С.15-19

3. Тхарур И. Интервью с Тайипом Эрдоганом (от 13.05.2015) // InoPressa [электронный ресурс]: <http://www.inopressa.ru/article/27sep2011/time/erdogan.html> (дата обращения 10.04.2012)

4. Устав ООН. Преамбула // ООН [электронный ресурс]: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml> (дата обращения 13.05.2015)

5. Юрченко М.М. Позиция США по реформированию ООН // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2009. – №1. – С. 111-116

Яшкова Т. А.

доктор политических наук, член Российской ассоциации политической науки, вице-президент Академии Геополитических проблем, руководитель отделения Международного Центра геополитического анализа и делового сотрудничества, профессор кафедры философии и политологии, Академии Труда и Социальных отношений, г. Москва

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информации во всех сферах жизни и деятельности человека. Сегодня информационная сфера, являясь системообразующим фактором современного общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности государств. Во многом целостность современного мира как сообщества обеспечивается, в том числе, за счет интенсивного информационного обмена.

Изменения в жизни общества, связанные с развитием информационной сферы, привели к активному обсуждению теоретических вопросов развития информационного общества. Так появилась теория информационного общества, полагающей главным фактором развития производство и использование научно-технической и другой информации. Данная теория является разновидностью теории постиндустриального общества, основу которой заложили Э.Тоффлер, Д.Белл, З.Бжезинский. Именно в их

фундаментальных трудах, вышедших в 70-80-е гг. XIX века., были сформулированы основные черты этого общества, которое Э.Тоффлер назвал «третьей волной». [1]

Элвин Тоффлер полагал, что то общество, которое придет на смену индустриальному, сложившемуся в развитых странах, будет иметь принципиально иной характер. «Это в одно и то же время и в высшей степени технически развитая, и антииндустриальная цивилизация... она несет с собой новый кодекс поведения и выводит нас за пределы концентрации энергии, денежных средств и власти». [2, С. 85]

В своих работах американский социолог Дэниел Белл выделяет характерные черты информационного общества: это переход от индустриального к сервисному обществу, решающее значение теоретического знания для осуществления технологических инноваций, а также превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент анализа и теории принятия решений.

Продолжение этих идей можно найти у Т. Стоуньера, по мнению которого «в постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы суть его основная экономическая ценность, его самый большой потенциальный источник богатства». [3, С.393] Данные ресурсы в единстве со средствами, методами и условиями, позволяющими их активизировать и эффективно использовать, являются информационным потенциалом общества. [4, С. 5]

Однако перечисленные черты информационного общества носят достаточно неконкретный характер. Кроме того, отдельные их проявления могут иметь место и на предыдущих стадиях общественного развития. В связи с этим возникает проблема определения единого объективного критерия, отличающего информационное общество от индустриального. Наиболее целесообразным в качестве такого критерия выбрать ту производственную сферу, в которой занято большинство трудоспособных членов общества. С этой точки зрения информационное общество появляется тогда, когда больше половины его членов занято в сфере производства коммуникативной информации и оказания информационных услуг.

Таким образом, информационное общество - это общество, в котором информация, знания, информационные услуги и все отрасли, связанные с их производством, растут более быстрыми темпами, являются источником новых рабочих мест, становятся доминирующими в экономическом развитии.

Развитие идей информационного общества продолжается в работах М.Кастельса, ставшего автором модели сетевого общества. Сетевое общество представляет собой социальную структуру, характеризующую, пусть и с большим разнообразием проявлений в зависимости от культурной и институциональной специфики, информационную эпоху развития общества. [5, С. 24]

Данная модель представляет собой синтез эмпирических исследований и аналитической работы, проведенных М.Кастельсом во множестве стран, включая и Россию, в течение почти 14 лет. Это отражено в его трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», [6]

опубликованной в 1996 - 1998 гг.

Сетевое общество, по мнению М.Кастельса, характеризуется одновременной трансформацией экономики, труда и занятости, культуры, политики, государственных институтов и, в конечном счете, пространства и времени. Однако новые информационные и коммуникационные технологии, будучи совершенно необходимым инструментом такой многонаправленной трансформации, не являются ее причиной. Развитие сетевого общества было обусловлено ходом истории, а именно информационно-технологической революцией; культурными и социальными движениями 60-70-х годов; перестройкой социально-экономических систем.

Информационное общество рассматривается как концепция постиндустриального общества; новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания, что наглядно показано на рисунке 1.

Рисунок 1. Основные элементы информационного общества

В настоящее время в России проблема формирования информационного общества рассматривается как необходимое условие ее устойчивого развития, полноценной интеграции в мировое сообщество. По нашему мнению, на сегодняшний день мы сильно отстаем в этой области, хотя в последнее время темпы информатизации растут достаточно быстро. С целью сокращения отставания России от развитых стран в уровне развития, распространения и эффективного использования информационно-коммуникационных технологий принят и реализуется ряд основополагающих документов. Среди них выделим Концепцию государственной информационной политики, Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002-2010 годы)», Стратегию развития

информационного общества в России. Как отмечается в Доктрине информационной безопасности, национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе развития технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

Таким образом, реализация государственной информационной политики направлена на создание основ для решения таких жизненно важных задач, как формирование единого информационного пространства России, развитие сферы информационных услуг, совершенствование правового поля регулирования происходящих информационных процессов, ее интеграции в мировое информационное пространство. При этом особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства.

Многие признают тот факт, что в современном мире (а тем более в будущем) статус «великой державы» будет определяться способностью к развитию, к лидерству в приоритетных сферах знаний, информатике, технологиях и повседневному влиянию на жизнь миллионов людей во всем мире через потребляемые ими продукты, товары, услуги, культуру.

Список литературы:

1. <http://bibliotekar.ru/istoria-economiceskih-ucheniy-3/48.htm>
2. Баталов Э.Я. О книге Э. Тоффлера. [5] №7 с. 85.
3. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики//Новая технократическая волна на Западе/ Под ред. П. С. Гуревича. - М.: Прогресс, 1986. С. 393.
4. Колин К.К. Социальная информатика - научная база постиндустриального общества//Социальная информатика - 94. - М., 1994. С. 5.
5. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество// Мир России. - 2000. - №1.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура - М.: ГУ - Высшая школа экономики, 2000.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бояк Т.Н.

*доктор социологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств»,
директор Института экономики культуры,
менеджмента и продюсирования*

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА

Анализ процессов, протекающих в культуре общества, вне социальной структуры общества более чем затруднителен.

Формирование духовной культуры, стиля жизни, системы ценностей социальных групп во многом определяется характером социальной структуры общества. Например, принадлежность человека по возрастным показателям к группе молодежь определяет его стиль жизни в рамках молодежной культуры. Профессия, характер трудовой деятельности, образование, пол, имущественное (материальное) положение, социальный статус, место жительства (село, город) определяют содержание социальных ролей, характер взаимоотношений с другими людьми, манеры поведения, общения, ценностные ориентации.

Так, ученые Института комплексных социальных исследований РАН, изучив проблему имущественного расслоения, пришли к ряду выводов: «Бедные – это в основном не имеющие выраженных установок на достижения, довольно пассивные наемные работники на исполнительских должностях. Богатые – это в основном ориентированные на карьеру профессионалы с ярко выраженным стремлением к личному профессиональному и творческому успеху. Богатые – в основном уверенные в себе индивидуалисты. Бедные – скорее верят в коллективные действия, осуждают индивидуализм и тех, «кто высовывается»» [4, с. 82]. Связь материального положения социальной группы с ее идеологическими ориентациями отмечается исследователями проблем современной молодежи: П.И. Бабочкиным, О.Н. Козловой, В.А. Родионовым, Б.А. Ручкиным: «наиболее материально благополучная молодежь тяготеет к либеральным ценностям. Среднеобеспеченные молодые люди исповедуют преимущественно национально-патриотические взгляды. Материально неблагополучная молодежь в большинстве симпатизирует социалистическим идеям» [6, с. 39].

Результаты социологического исследования, проведенного нами среди русской сельской молодежи Бурятии и Забайкальского края в 2005-2006 г., свидетельствуют о том, что, чем выше уровень образования, материально-имущественное положение молодежи, тем в большей степени она уверена в завтрашнем дне, оптимистичнее смотрит в будущее, ориентирована на ценности личностной самореализации, в том числе и духовно-нравственного развития.

Социальная дифференциация современного российского общества характеризуется образованием многочисленных профессиональных групп,

вызванных изменениями в социально-экономической сфере. Часть профессий исчезла, на смену им пришли новые – бизнесмены, менеджеры, фермеры. Произошли и количественные изменения во многих профессиональных группах: меньше стало инженеров, резко возросло количество юристов, экономистов. Формирование профессиональных ориентаций личности в современных условиях – процесс сложный и одновременно противоречивый. Выбор профессии стал определяться не только содержанием профессионального труда, интересом к нему, но материальной выгодой, извлекаемой из этого труда. Поэтому многие важные для общества профессии, но малооплачиваемые (учителя, ученые, работники сферы культуры, врачи и др.), становятся в глазах молодого поколения не престижными. О том, что заработок является одним из важных критериев, определяющих «привлекательность» профессии для современной молодежи, свидетельствуют и результаты исследований, проведенных учеными в последние годы [5, с. 64]. Результаты исследования, представленные в научной статье Саганенко Г.И., Степанцовой А.А., Степановой Е.И., показывают, что для выпускников школ наиболее привлекательными являются такие высокодоходные профессии / занятия, как: бизнесмен, архитектор, профессиональный спортсмен, юрист, переводчик [5, с. 63]. Профессии же «научного характера» после длительного (до середины 60 - х гг.) пребывания в статусе престижных начали терять свою привлекательность и к середине 1990 –х оказались «на дне», там и пребывают до сих пор»[5, с. 66].

Однако, подчас, руководствуясь расчетом на хорошую оплату труда, молодые люди осуществляют выбор будущей профессии вопреки своим потребностям, интересам, способностям. Это в свою очередь негативно отражается на социально-психологическом самочувствии молодого человека, результативности, успешности процесса профессионального становления во время обучения в учебном заведении и профессиональной реализации после окончания учебного заведения.

Культура общества, безусловно, связана со структурой занятости населения. Так, например, большинство молодых людей, после окончания среднеобразовательной школы продолжают обучение в вузах. В процессе реализации учебно-воспитательной работы вуз не только формирует профессиональные компетенции, но и способствует развитию системы ценностей студента, защищает процесс его социализации от возможного воздействия неблагоприятных факторов, которые имеются в любом обществе. «В вузе формируется полноценный член общества, увеличивается человеческий капитал обучаемого, обеспечивается его социализация (что выгодно государству). В России социализация в процессе получения высшего образования приводит к значительному снижению преступности вообще и в частности, к падению уровня насильственных и имущественных преступлений» [2, с. 11].

В контексте характеристики структуры занятости населения можно отметить то, одной из тенденций реформ российского общества, с начала 90-х годов XXвв., стало перемещение большей части населения из государственного

в негосударственный частный сектор экономики, главным образом, в сферу услуг. Эта тенденция, конечно, оказывает влияние на культуру общества, характер формирования ценностей, профессиональных ориентаций личности.

Неблагоприятное влияние на культуру общества оказывает наличие такой проблемы, как безработица. Особенно остро проблема дефицита или отсутствия работы проявляется в условиях села. Ограниченные возможности найти на селе работу, тем более хорошо оплачиваемую, обуславливают деструктивные процессы в характере социализации личности, формируют пессимистичные установки относительно реализации ее жизненных планов, определяют миграционный отток молодежи из села в город, что неблагоприятно сказывается на перспективах развития села, сохранения его самобытной культуры.

Резкая социальная поляризация также обуславливает многие социально-культурные проблемы, препятствует реализации жизненных планов личности, определяет социальную напряженность. Как отмечает М.Г. Глотов, «для стратификационной модели российского общества характерна резкая поляризация между высшей и низшей стратой, что вызывает социальную напряженность.....» [1, с. 58]. Огромная разница в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения чревата, как верно отмечает Ж.Т. Тощенко, социально-политическими потрясениями в обществе [7]. Резкая контрастная поляризация доходов, уровня жизни населения способствует развитию антагонистических отношений и противоречий, неприязни между бедными и богатыми, низшими и высшими классами [3, с. 10].

Доля представленного в обществе среднего класса является одним из важных показателей его стабильности. Средний класс- ядро общества. Чем больше его доля, тем стабильнее общество. В связи с этим, в современных условиях очень важной задачей является реализация мер, направленных на увеличение доли среднего класса в обществе. Успех решения данной задачи прямо связан с решением проблем социально-экономического развития общества, повышением уровня жизни населения.

Сегодня российское государство уделяет особое внимание данному вопросу. Реализуются программы, направленные на развитие малого и среднего бизнеса, предпринимательства, в том числе и на селе. Думается, что в перспективе действия, предпринимаемые государством для решения задач, связанных с повышением уровня жизни населения, доли среднего класса в обществе, дадут положительные результаты.

Таким образом, социальные процессы оказывают большое воздействие на духовное развитие общества, его культуру. Сдвиги в социальной структуре можно рассматривать и как результат, и как предпосылка для научно-технического прогресса, повышения эффективности производства, развития культуры.

Для преодоления негативных процессов в культуре общества необходимы:

- 1) улучшение уровня, качества жизни населения, предоставление личности благоприятных условий для социализации, самореализации; 2) скрепление общества единой идеологией, ориентирующей сознание личности

на лучшие ценности, заложенные в отечественной духовной культуре, высокие образцы культуры делового и повседневно-бытового общения; 3) реализация со стороны государства, институтов и агентов социализации действий, направленных на повышение престижа, значимости *труда как социальной ценности*.

Литература

1. Глотов М. Б. Концепции социальной стратификации в отечественной социологии // Социол. исслед. 2013. № 8.
2. Карпенко М.П., Фокина В.Н., Слива А.В. Проблемы управления качеством высшего образования // Инновации в образовании . - 2010.-№1.
3. Левашов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социол. исслед. 2006. № 1.
4. Мудрик А. В. Социализация человека : учеб. пособие для вузов. М. : Академия, 2004.
5. Саганенко Г.И., Степанцова А.А., Степанова Е.И. Профессиональные предпочтения молодежи как показатель общественных перемен // Высшее образование в России. – 2015.
6. Социализация молодежи: опыт, проблемы, перспективы : (материалы к науч.-практ. конф. М., 2000.
7. Тощенко Ж. Т. Социология. Изд-е 3-е. М., 2005.

Брылова Е.В.

к.п.н.

МАОУ гимназия №16 «Интерес», педагог-психолог

ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ РЕБЕНКА

Социокультурные изменения, происходящие в стране, характеризуют сложность и многогранность современной действительности; но непреходящим, по своей экзистенциальной сущности, было и остаётся эволюционное изобретение человечества - семья.

Члены семьи. Все они разного возраста, образования, у всех разные знания, умения, навыки. И физическая сила тоже разная.

Мама обычно слабее папы. А бабушка слабее мамы – просто потому, что старше, здоровье уже не такое крепкое.

Зато бабушка очень часто мудрее всех остальных в семье. А бабушка знает такие вещи, о которых младшие – внуки, например, могли даже и не слышать. Стало быть, физически слабый может быть умом сильнее.

Младший брат слабее старшего. И знает меньше, просто потому что живет на Земле недавно. Младшего или более слабого легко задеть, обидеть, доказать ему свое превосходство. Физически это сделать проще всего. Победить умом – например, в споре, думать, рассуждать, аргументировать – гораздо сложнее.

Поэтому большинство выбирает легкий путь.[3,с.55] Потому что люди ленятся думать, размышлять, планировать последствия и делать выводы, в нашем мире и множится насилие, агрессия, зло, горе, слезы.

Каждый из нас хоть однажды смотрел социальный ролик о семейном насилии. Их много сейчас снимают. Потому что проблема эта расширяется и затрагивает очень многих детей и взрослых.

Так не только в семье бывает, согласны? Сильный издевается над слабым безо всякой причины. Просто потому что так привык. Или сбросить напряжение. Или найти малейший повод доказать своё превосходство слабому.

Нет повода – придумать. «А он (она) сам(а) виноват(а), первый начал, он(она) по жизни – жертва, не такой формы нос, уши, не так говорит, не того цвета кроссовки...». Агрессивные выпады мы видим часто, слишком часто в обычной нашей жизни. А зачастую сами создаем негативную атмосферу.

Ведь можно «ударить» не только рукой-ногой, но и словом. Оскорбить. Унизить. Обозвать. И это не шутка, не преувеличение, словом реально можно убить человека.

Какими словами наполнена твоя жизнь?

Слова несут энергию. Когда говоришь: «счастье, радость, солнечные зайцы, море, детский смех, клубника, любовь, свежий ветер», - какое состояние возникает? Тепло, правда? Приятно, спокойно, у кого-то мурашки от удовольствия...

А теперь говоришь «мрак, грязь, кровь, смерть, боль, темнота, страдание» - состояние поменялось?

О, да. И ничего странного. Повторю: слова несут энергию.

Согласись, что «плохо» и «нехорошо» - разные слова, с разной энергией. Чувствовать себя плохо и чувствовать себя нехорошо – разные состояния. [4,с.117]

Какие слова ты используешь в своей жизни? И какой она становится?

В наших силах создавать себе каждый день такое состояние, использовать такие слова, которые приподнимут настроение, дадут сил и энергии, пробудят желание жить, двигаться, создавать что-то хорошее. Ну, или можно продолжать обижать окружающих и самому обижаться, страдать, стоять на месте и жалеть себя.

Обидные, горькие, злые слова знает каждый человек. Но не каждый их говорит другому.

А тот, кто пользуется таким «оружием», преследует только одну цель - испытать краткосрочное удовольствие от своего превосходства. «О, какой я крутой!»

Доказал. Получилось. Аплодируем, аплодируем, закончили аплодировать. И что дальше? ЧТО ДАЛЬШЕ?

А дальше нет ни дружбы, ни любви, ни душевного тепла, ни поддержки, взаимопомощи тоже не жди. Только жажда крови и желание снова и снова доказать своё превосходство силой. И только над слабыми. Формируется привычка. Костенеет характер. Просматривается судьба.

Прямой путь вниз, в одиночество, где нет вдохновляющего будущего, где нет побед, где такой человек никому неинтересен.

Выбирай. Только запомни: потом некого будет винить, кроме самого себя за то, как сложилась твоя жизнь. [4,с.8]

Запомни: твой день – маленькая модель твоей жизни.

Честно спроси себя:

Если бы ты смог стать самому себе другом, хотел бы ты себе такого друга?

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.,1999.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: теория, история, библиография. - М., 1996.
3. Детмер У. Теория ограничений Голдратта. Системный подход к непрерывному совершенствованию. 2е издание, Альпина Бизнес Букс, Москва, 2008.
4. Рехнхард Люк. Трансформация. Стенограмма тренинга Вернера Эрхарда. Электронное издание www.koob.ru

Чалая Д.И.

ГБОУ Школа № 64, учитель английского и французского языков

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО

Актуальность исследования состоит в том, что на данный момент иностранные языки занимают большую роль в нашей жизни. В современном мире нормально знать несколько иностранных языков. Бесспорно, на первом месте стоит английский язык, который является международным. Изучая английский, школьникам может быть интересно познавать и другие распространенные языки. Мотивом для этого является как личный интерес (саморазвитие, хобби, путешествия, общение, желание узнавать больше), так и мысли о будущем. Стоит отметить, что в детстве языки усваиваются легче, более того, модель одного языка помогает изучению новой.

Проблема для нашего исследования заключается в том, что школьникам порой тяжело дается изучение двух иностранных языков. Однако за границей знание нескольких иностранных языков является нормой (даже для школьной программы). Школьники, опираясь на свое желание, не знают о своих способностях к изучению дополнительного иностранного языка, им трудно порой сделать самостоятельный выбор в его пользу. Тем не менее, в школах все больше склоняются к тому, чтобы сделать французский язык (или любой второй иностранный) факультативным, перенести его во вторую половину дня, а в дальнейшем, может, и вовсе отменить его изучение, таким образом лишая детей возможности развиваться бесплатно.

Цель исследования: Разобраться в необходимости изучения второго иностранного языка, в чем его плюсы и причины возникновения трудностей.

Объект исследования – французский язык как второй иностранный.

Предмет исследования – особенности изучения французского языка как второго иностранного.

Для достижения нашей цели мы сформулировали следующие **задачи**:

- 1) Найти схожие черты английского и французского языков, что помогает изучению французского как второго иностранного.
- 2) Исследовать истоки и значимость изучения французского в прошлом.
- 3) Рассмотреть похожие грамматические конструкции и найти примеры аналогичных лексических единиц в двух языках.
- 4) Опросить учителей иностранных языков и учеников, изучающих французский, на предмет полезности и необходимости присутствия данного предмета в школе.

Гипотеза: современные школьники из гимназических классов хотят и имеют возможность изучать второй иностранный язык, в нашем случае интересуются французским, считая его помощником в повседневном обучении.

Методики исследования: анализ текстов и опрос.

Человеку, уже имеющему опыт в изучении одного иностранного языка, обычно легче дается изучение второго иностранного языка. Поэтому можно заниматься самостоятельно, тем более с современными возможностями Интернета. Кроме того, есть возможность общения, получения консультаций и рекомендаций у носителей языка. Чем больше изучается иностранных языков, тем быстрее и легче происходит овладение ими. Главное в этом деле стремление и упорство, тогда поставленная цель будет достигнута.

Если вы знаете английский, вам уже не надо объяснять, что такое артикль или предлог, то есть появляется масса вещей, которые человек уже знает, потому что он уже достаточно опытный ученик. Таким образом, процесс изучения других иностранных языков убыстрится [1, с.2].

В нашем опросе участвовали 17 учителей, 32 ученика из 3 разных школ, комплексов, изучающих французский как второй иностранный.

По мнению многих учителей начинать изучать второй иностранный оптимально именно с пятого класса. Количество детей, которые выбирают французский, уменьшается, причём постоянно. Это касается даже специальных школ. Однако, тенденция выбора французского как второго языка сохраняется, что видно по результатам нашего опроса. Большинство учителей сходятся во мнении, что дети очень загружены и французский не облегчает им жизни, однако, несмотря на трудности, обогащает их знания и расширяет кругозор.

Литература

1. Интервью Анны Беляковой с доктором педагогических наук, профессором А.В. Щепиловой. www.mgpru.ru/materials/17/17493.doc
2. Применение положительного переноса из английского языка при изучении французского как второго иностранного. Н.В. Ветрова. http://ispu.ru/files/str.73-77_0.pdf
3. Сайт культурного центра Франкофонии: <http://www.francophonie.ru/francuzskij-jazyk-v-mire.html>
4. Язык международного общения. Т. Скоробогатова. http://miresperanto.com/aliaj_lingvoj/franca_kiel_internacia.htm
5. Зачем изучать второй иностранный язык? <http://ucheba16.ru/articles/article-59.html>

Жукова О.Г.,

магистрант

ФГБОУ ВПО Нижневартровский государственный университет

Факультет культуры и сервиса, Нижневартовск, Россия

Пенкина Н.В.

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВПО Нижневартровский государственный университет

Факультет культуры и сервиса, кафедра социально-культурного сервиса и туризма, Нижневартовск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКОГО РЫНКА ХАНТЫ- МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ

Туризм, как доказал мировой опыт, являясь межотраслевым комплексом народного хозяйства, может внести значительный вклад в развитие как государственной, так и региональной экономики. Современная экономическая ситуация в России способствует обращению органов власти к внутренним ресурсам во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и к внутреннему как въездному, так и выездному туризму.

К примеру, по последним данным, в глобальном масштабе доходы от туризма достигают \$4 трлн. А доля туризма в российском ВВП достигает 6,7% с учетом смежных отраслей, безусловно, Российская Федерация обладает необходимыми ресурсами для более интенсивного развития туристской отрасли, прибыль от которой должна быть существенно выше, а для этого необходимо развивать туристический бизнес в регионах. Среди уже сложившихся туристских регионов России можно выделить и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (далее ХМАО-Югра). Доля туризма ВРП в ХМАО-Югре за 2014 году составило 0,5%, конечно это не самый высокий показатель на фоне других туристских регионов, да и потенциально эти цифры могут быть выше, для этого необходимо, в первую очередь адекватно оценивать реальные возможности и потенциал туристского регионального рынка.

Существует два подхода к оценке влияния туризма на экономику страны или региона. При первом используются сателлитные счета туризма (анализ спроса в турсфере). Второй подход оценки основывается на экономических расчетах (расчет туристского мультипликатора, полученного из кейнсианской макроэкономической модели) [1, 324]. Так как в настоящее время сателлитные счета не используются в РОССТАТЕ, специалисты в сфере туризма выбирают второй подход. Однако специалисты ограничиваются либо простой постановкой проблемы, либо описанием математических моделей, не ведущие к конкретным результатам. Оценка должна строиться не только из данных статистики, но и иной информации, полученной, например, из маркетингового анализа рынка, который может дать целую систему показателей: обусловленность стабильности туристического потока, количество туристических программ (с учетом направлений), затраты на организацию туров для наиболее уязвимых слоев населения в условиях сложившейся

экономической ситуации в России и автономном округе, количество грантов в сфере внутреннего и въездного туризма, количество QR-кодов. Учет данной информации позволит оценить сложившуюся ситуацию и место туризма в экономическом развитии региона, что позволит увидеть истинные проблемы и пути их исправления. Туристические ресурсы, сложившаяся туристическая индустрия и инфраструктура свидетельствуют о динамическом развитии туристической отрасли в регионе. На территории ХМАО-Югры осуществляют деятельность 148 туристских предприятий (январь-сентябрь 2013 года – 146), из них 16 туроператоров, находящихся в федеральном реестре туроператоров и имеющих финансовую гарантию [2]. Увеличивается и въездной туристический поток в регионе, по данным статистики за январь-сентябрь 2014 года он увеличился на 3,6 % и составил 427,9 тыс. человек, для сравнения число туристов (тыс.чел), посетивших ХМАО-Югру составляет на 2012 год – 448,4, на 2013 год – 506,8, на 2014 год – 507 [3].

Пространственное распределение туристского потока выглядит следующим образом:

Восточная зона (Сургутский, Нефтеюганский, Нижневартовский районы, города: Сургут, Нижневартовск, Когалым, Лангепас, Мегион, Радужный, Покачи, Нефтеюганск и Пыть-Ях) – около 40 %. Западная зона (территория от рек Оби и Иртыша до Северного Урала: Ханты-Мансийский район (левобережная часть), Советский и Октябрьский районы (левобережная часть), Кондинский район, города: Ханты-Мансийск, Урай, Югорск, Нягань) – около 50 %. Северная зона (территория Березовского, Белоярского, Ханты-Мансийского (правобережная часть), Октябрьского (правобережная часть) районов и город Белоярский) – 10 %. Такой низкий показатель обусловлен практическим отсутствием транспортной развязки и туристской инфраструктуры.

Однако данная статистика не учитывает всех посетивших регион, например, приезжающих в гостевых целях. Где взять такую информацию? Необходимо наладить более тесное сотрудничество с предприятиями сферы туризма и других сфер деятельности, которые могут дать информацию о том, сколько было посещений объектов показа, что позволит оценить туристский поток в соответствие с сегментацией рынка. Данная информация поможет распределить финансовые вложения как представителей турбизнеса, так региональных властей.

По официальным данным наблюдается увеличение общего количества туристов, посетивших природные парки, в 2011 году на 70% (21,3 тыс. чел.), в сравнении с показателями в 2010 году на 52% (19,0 тыс. чел.). Увеличивается спрос и на поездки с культурно-познавательными целями на 1,8% (76,0 тыс. чел.), однако по сравнению с 2010 годом произошло уменьшение на 3,5% (72,0 тыс. чел.) в сравнении с показателями 2009 года (74,6 тыс. чел.). В частности, к этнографическому парку-музею села Варьёган отмечается устойчивый интерес, о чем свидетельствует среднее количество посетителей в год – 10000 человек [4]. Также наблюдается увеличение числа туристов, посетивших этностойбища автономного округа, в 2014 году в 3,6 раза (9,0 тыс. чел.).

Одним из самых распространенных целей поездок в Югру называют деловую (около 70% общего объема поездок). Это подтверждает и статистические данные: количество туристов увеличилось на 11% (280,0 тыс. чел.). Увеличился поток туристов и в речном туризме на 11 % (около 2, 0 тыс. человек).

Перспективным видом туризма является активный и все его формы, что подтверждено следующими данными: количество туристов, посетивших различные спортивно-оздоровительные базы и комплексы в 2014 году, - 51000 человек, в 2013 году - 46800 человек, 2002 году - 37450 человек. В 2014 году наблюдается увеличение количества туристов на 36%.

Природно-климатические и туристско-рекреационные ресурсы в округе используют и для развития лечебно-оздоровительного туризма. Число туристов, посетивших автономный округ с лечебно-оздоровительными целями, в 2014 году возросло на 1,5% (20,0 тыс. чел.).

Следующим показателем развития туристской индустрии является занятость населения в сфере туризма. В январе-сентябре 2014 года по оценке Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры составляла 26,5 тыс. человек (в 2013 году – 25,5 тыс. человек) [2].

Таким образом, полученные результаты могут быть использованы представителями турбизнеса для дальнейшего определения маркетинговой стратегии своего предприятия, а также для разработки Программы развития внутреннего въездного туризма в ХМАО-Югре.

Литература

1. Загорин Н.Д. Методологические аспекты анализа экономической эффективности туристской отрасли //Проблемы современной экономики. – 2005. № 3-4 (15/16). С. 324–328.
2. www.depeconom.admhmao.ru (Департамент экономического развития ХМАО-Югры).
3. www.tourism.admhmao.ru (Туризм в Югре).
4. www.ugramegasport.ru (ЮграМегаСпорт).

Сычева И.Н.,
доктор экономических наук, профессор
директор Института экономики и управления
Свистула И.А.,
кандидат экономических наук
старший преподаватель
Пермякова Е.С.
кандидат экономических наук
старший преподаватель
Алтайский государственный технический университет им. И.И.
Ползунова

КЛАСТЕРЫ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК

Развитие экономики России последних десятилетий наглядно свидетельствует о том, что система и механизмы свободного рынка не способны обеспечить стабильное развитие общества: в тяжелом положении оказалось большинство жизненно важных для общества отраслей и производств и, прежде всего, агропромышленный комплекс; в полной мере проявляет себя мировой финансовый кризис. В этой ситуации согласно кейнсианской и некейнсианской теориям экономического роста требуется усиление государственного вмешательства в регулирование экономики, но обостряется необходимость формирования эффективных рыночных структур и механизмов, способствующих инновационному, интенсивному развитию продуктовых подкомплексов системы регионального АПК в целях обеспечения потребности населения качественными и доступными продуктами питания и получения прибыли во всех предприятиях и отраслях, формирующих кластер.

Кластеризация российской экономики на уровне продуктовых подкомплексов регионов является объективной необходимостью для укрепления как региональной, так и национальной конкурентоспособности, поскольку экономические кластеры представляют собой оптимальное сочетание рыночных возможностей саморегулирования АПК региона с возможностями государственного воздействия. Вызываемый таким взаимодействием синергетический эффект способен выявить новые и укрепить традиционные «точки роста» региональной экономики, что, в конечном итоге, усилит конкурентоспособность национальной экономики как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

М. Портер, исследуя конкурентные позиции более 100 отраслей различных стран, обратил внимание на тот факт, что наиболее конкурентоспособные отрасли концентрируются в одной и той же стране, а также в одном и том же регионе страны. Образует "кластер" группа географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских центров, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга в достижении конкретного хозяйственного эффекта и усиливающих

конкурентные преимущества отдельных компаний а, следовательно, кластера в целом. Приходящие из других отраслей кластера производители используют НИОКР, внедряют новые стратегии. Происходит свободный обмен информацией и быстрое распространение новшества по всем каналам. Связи внутри кластера являются средством преодоления замкнутости, негибкости, инертности между соперниками, что усиливает появление конкуренции и новых фирм. Не случайно во многих странах кластерный подход стал активно использоваться при формировании и осуществлении национальной экономической политики, ибо он позволяет повысить эффективность взаимодействия частного сектора, государства, торговых ассоциаций, исследовательских и образовательных учреждений в инновационном процессе. Он может послужить основой для конструктивного диалога между представителями предпринимательского сектора и государства с целью выявления проблем развития науки и производства, путей наиболее эффективной реализации имеющихся инвестиционных возможностей и необходимых мер государственной политики.

Исходя из сказанного выше, становится очевидным, что комплексное инновационное развитие регионального АПК следует разрабатывать на основе формирования кластеров в продуктовых подкомплексах АПК по всей воспроизводственной цепочке, с выделением перерабатывающих или сельскохозяйственных организаций как ядра развития (полюсов роста). При этом акцент делается на совершенствование инфраструктуры, научные исследования, образование, информационно-консультационное обслуживание и др. Появляется возможность более прозрачного целевого финансирования не отдельно взятых предприятий, а в рамках регионального продуктового подкомплекса кластеров как воспроизводственной системы с замкнутым циклом, который учитывает не только экономические, но и социальные интересы.

Хорошим практическим примером может служить опыт Белгородской области, там разработана целевая региональная программа «Развитие птицеводства в Белгородской области», где на основе государственно-частного партнерства сформированы и имеют тенденцию к дальнейшему развитию три кластера АПК с замкнутым циклом производства сельскохозяйственного сырья, его переработки и реализации готовой продукции через собственную торговую сеть (кластеры птицеводства, свиноводства, молочного животноводства). Создание кластеров в птицеводстве способствовало строительству племптицерепродукторов, инкубационных парков, площадок по откорму бройлеров, комбикормовых заводов, линий по убою и глубокой переработки птицы [1].

В состав птицеводческого кластера входят организации различных форм собственности с их объединением в агрохолдинг. Агрохолдинг представляет собой группу технологически взаимосвязанных компаний с замкнутым циклом. Также в состав кластера входят учебные учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования занимающиеся подготовкой специалистов для предприятий кластера. В целях развития кластера

правительством области осуществляется субсидирование части процентной ставки по инвестиционным кредитам, предоставляются государственные гарантии области по передаче в залог государственного имущества для обеспечения кредитных обязательств участников кластера, средства областного бюджета участвуют в формировании уставных капиталов создаваемых предприятий, предоставляются налоговые льготы, обеспечивается подведение инженерных сетей за счет средств газо- и энергоснабжающих организаций, подъездных дорог за счет средств областного бюджета. Активными участниками процесса реализации инвестиционных проектов являются Центрально-Черноземный банк Сбербанка России, филиала ОАО «ВСК», ОАО «Росгосстрах-Центр».

Необходимость и значимость применения в структуре регионального АПК кластерных технологий подтверждается такими известными в мире проектами, как винодельческие кластеры в Калифорнии (США) и Бадем-Вюртемберге (Германия), соево-кукурузный и зерновой пояса кластеров в США и Канаде, кластеры по производству сыра и шоколада в Швейцарии и др.

Систематизируя выше изложенное, можно отметить, что кластер представляет собой оптимальное сочетание рыночных возможностей регулирования и саморегулирования АПК региона и будет способствовать развитию производства сырья, комплексной его переработки, повышению качества и расширению ассортимента продукции, применению на предприятиях маркетинга как стратегии эффективного производства, совершенствованию системы реализации сельскохозяйственного сырья и продукции на основе развития рыночной инфраструктуры, развитию интеграции и кооперации в агропромышленном производстве, реализации интересов товаропроизводителей на основе совершенствования производственных отношений, грамотной, последовательной государственной экономической политики.

Литература

1. Алтухов, А.И. Прогнозирование производства, инвестиционных приоритетов и рисков в продовольственном обеспечении страны: монография / А.И. Алтухов, В.А. Кундиус. – М.: ГНУ ВНИИЭСХ, Изд-во АГАУ, 2009. – 475 с.
2. Горемыкин, В.А. Планирование на предприятии / В.А. Горемыкин. – Высшее образование, 2009. – 634 с.
3. Дейтон, А. История европейской интеграции: историография / А. Дейтон // История европейской интеграции /1945-1994 гг./. – Москва: ИВИ РАН, 1995. – 308 с.

Васильева И.А.,
к.с.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
(филиал в г. Пятигорске)
Анцелевич О.В.
к.п.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
(филиал в г. Пятигорске)

ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ – ПРИЧИНЫ НА СЕВЕРНОМ-КАВКАЗЕ.

Проблема этнического (или национального) экстремизма остается актуальной для России на протяжении двух десятилетий. Данная проблема является одной из острейших для российского общества и государства, она непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности и территориальной целостности страны.[1с.20]

Противодействие и борьба с экстремизмом, выработка адекватных и эффективных мер возможна лишь на основе «глубокого понимания... закономерностей и тенденций его развития, предпосылок и условий его возникновения...»[2], то есть на основе выявления и учета факторов этнического экстремизма.

Факторы этнического экстремизма специалисты разделяют на две основные группы. Первую - составляют факторы общероссийского масштаба, обусловленные процессами, происходящими в обществе и государстве. Вторая группа – факторы, имеющие региональную и этническую специфику. Это, прежде всего экономические факторы, связанные с наличием в отдельных регионах Северного Кавказа значительной материальной базы, например, в области нефтедобычи и переработки нефти и в связи этим перераспределением ресурсов.

Другой составляющей экономических факторов - являются социальные проблемы регионов. Сокращение рабочих мест, массовая безработица, миграция – проблемы, с одной стороны, обусловленные экономическим несовершенством системы, а с другой – социальными противоречиями в обществе [3].

В экономике ряда республик неформальный сектор фактически вытеснил официальную экономику. Теневая экономика — это не просто уклонение от налогов. Теневой бизнес деформирует всю систему общественных отношений — от экономики до политики.

Во многом социальные причины и условия, лежащие в основе этнического экстремизма, обусловлены несовершенством правовой системы, как Российской Федерации, так и ее субъектов. Реформирование и совершенствование законодательства в сфере безопасности, межэтнических отношений и противодействия экстремистской деятельности началось лишь после осознания реальности и масштабности экстремизма как явления,

ведущего к этническим конфликтам и активизации преступлений против личности.

Главная проблема, без решения которой невозможно победить экстремизм — общая неэффективность власти, полная утрата ею авторитета среди собственного народа. Несмотря на конституционные гарантии, происходит отчуждение власти в пользу бюрократического аппарата. Демократические институты и процедуры просто неэффективны. Они во многом превратились в форму «приватизации» государственной власти этническими кланами, между которыми идет криминальная война за передел сфер влияния. Население не просто отстранено от участия во власти, оно полностью отдано на откуп коррумпированным чиновникам. Но там где нормальный политический процесс невозможен, где отсутствуют демократические навыки ведения политической борьбы, где легальные формы протеста — митинги и демонстрации не просто безрезультатны, но и чреватые разгонами и последующими преследованиями, на смену умеренной оппозиции приходят радикалы и экстремисты [4].

Следующая группа факторов этнического экстремизма представлена причинами и условиями политического характера. Политический аспект большинства этнических конфликтов настолько очевиден, что весьма распространённым является мнение, что именно политики, добиваясь своих корыстных интересов, генерируют этнические конфликты. Специфика этнополитического конфликта заключается в том, что он является одним из наиболее часто встречающихся типов этнического конфликта в современном мире, и объясняется это всеобъемлющей ролью политики в цивилизации XX века.

Предпосылки для формирования этнополитического конфликта возникают на ранних стадиях развития этнического национализма, когда формируются этнические элиты, их ассоциации и соответствующие идеологии [6].

Основная причина этнополитических конфликтов – противоречия между политическими статусами этнических групп. В любом полиэтничном обществе существует более или менее выраженная этнополитическая иерархия, которая устраивает одни этнические группы и не устраивает другие. Этнополитический конфликт, складывается тогда, когда одна этническая группа, социально экономический и культурный статус которой повысился, начинает претендовать на свою долю в государственной власти, в то время как другая этническая группа стремится этого не допустить. В обществах с неразвитыми демократическими традициями борьба этнических элит за власть зачастую превращается в затяжные кровавые этнические столкновения.

Идеологической основой этнополитических конфликтов является национализм. Идеология национализма сформировалась в XIX веке и оказала решающее влияние на дальнейшую политическую организацию человечества. Сложилось представление о том, что естественной формой бытия нации является национальное государство, и вот уже в течение почти двух веков эта идея владеет умами человечества.

Политические факторы этнического экстремизма на Северном Кавказе по их природе и направленности действия можно разделить на: этнополитические, внутривнутриполитические и геополитические. Примером этнополитического конфликта в сочетании с конфликтом внутривнутриполитическим является вооруженное противостояние федеральных сил и сепаратистов в Чеченской Республике. Примером геополитического конфликта является спор из-за территории Пригородного района на границе Северной Осетии и Ингушетии. Идеологический конфликт заключается в одной из особенностей региона: «Северный Кавказ является контактной зоной исламской и православной цивилизации в результате исторического развития у народов Северного Кавказа преобладающей религией стал ислам. [7с.14-15] Радикальные и экстремистские движения активно используют религиозные лозунги. Однако следует помнить, религия может мобилизовать массы населения, когда для этого созрели объективные и субъективные предпосылки. При отсутствии внятной государственной идеологии и светской духовно-нравственной опоры не осознаваемое массами недовольство трансформируется в радикальные религиозные лозунги. Ваххабизм как вариант исламского пуританизма можно в таком случае трактовать как религиозную по форме и радикальную, вплоть до экстремизма, социально-политическую по существу идеологию.

В современной России обращение значительных слоев населения к религии обусловлено — среди прочих причин — недоверием (в обстановке ухудшения экономического и экологического положения, политической нестабильности, духовного, нравственного кризиса, распространения коррупции, порнографии, межэтнической напряженности и т. д.) к проводимой властями политике, к заявлениям государственных деятелей. В проповедуемых религией гуманистических общечеловеческих ценностях, идеях духовности и душевной чистоты они видят заслон от циничной политики нравственного упадка, поразившего общество, обретая в религии опору исконных национальных ценностей.

Причины активизации религиозного фактора и возрастания его роли в общественной жизни и сознании людей на сегодняшний день для всех вероисповеданий одинаковы. Это общая нестабильность в социально-экономической и политической сферах, перенаселение большинства районов вследствие больших потоков миграции и вытекающие отсюда обнищание и безработица на фоне возрастания имущественного расслоения; быстрая урбанизация и рост маргинальных слоев за счет выходцев из деревни.

У русского человека отношения с его собственной религией весьма непростые. Даже не будучи верующим, он склонен идентифицировать себя как верующего и с большим уважением относится к православной церкви.

Представление о неразделенности религиозного и светского способствует жизнестойкости исламской культуры. Для ислама характерна ориентация человека на социальный объект, определенная детерминированность его поведения. Своими последователями ислам воспринимается не просто как религия, но и как образ жизни, что в известном смысле «фиксирует» принадлежность к нему каждого человека с мусульманской фамилией.

К сожалению, в народной толще религиозное возрождение последних лет носит в значительной мере, как в православии, так и в исламе, обрядовый характер. Прервавшаяся связь времен привела к утрате понимания людьми философской сути обеих религиозных систем [8].

В заключение необходимо отметить, что выработка эффективных мер противодействия и борьбы с проявлениями экстремизма не исчерпывается осознанием его факторов, причин и условий. Следует начать работу по коренному изменению общественного сознания в понимании и отношении к данной проблеме, причем не только на территории республик Северного Кавказа.

Литература.

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология. Концепты и российская практика. М., 2008.с.20.

2. Сальников Е.В. Взаимодействие органов местного самоуправления и антитеррористических комиссий в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом: проблемы и перспективы//Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 3//Правовая информационная система «Консультант-плюс»; Дондоков Ц.С. Макаров Н.Е. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях//Закон и армия. 2005. № 11//Правовая информационная система «Консультант-плюс».

3. Горишний К. В. Факторы современного этнического экстремизма на примере Северного Кавказа. Кубанский государственный университет 17.02.2005 г.// <http://www.jurnal.org>

4. Батиев Л.В. Причины формирования экстремизма 08.09.2010 г.// <http://www.jurnal.org/>

5. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д. 1997. с.14-15.

6. Особенности религиозного возрождения на Северном Кавказе//<http://www.molych.ru/>

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ СЛОЖНОСТЕЙ В КЛАССЕ
ФЛЕЙТЫ В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ**

1. Педагогическая деятельность в современных условиях требует от преподавателя профессиональных знаний и умения показать студенту весь процесс развития образов, музыкального материала в синтезе с сугубо исполнительской трактовкой.

2. Необходимо отметить очень важную роль наличия специальной методики, направленной на преодоление сложностей исполнения. Она создана опытными педагогами и исполнителями как в устной так и в письменной форме и передаётся из одного поколения в другое.

3. С целью достижения хорошего результата во время игры иногда приходится прибегать к некоторым исполнительским приёмам, которые помогают справиться с трудными музыкальными эпизодами. Можно привести в пример использование определённой аппликатуры, нюансировки. Как правило способы преодоления сложностей показываются на примере конкретного произведения.

4. В данной работе мы хотели бы остановиться на некоторых исполнительских сложностях и способах их преодоления в «Фантазии» для флейты Ф. Борна.

5. Партия флейты достаточно насыщенная, здесь применяются исполнительские приемы: передувание, техническое дыхание, используются ноты соль диез, ля, си бемоль, си бекар третьей октавы. В «Фантазии» использован, в основном, вариационный принцип развития.

6. В «Хабанере» необходимо обратить внимание студента на чередование штрихов «legato», «detache», «staccato» в передаче характера темы эпизода.

7. В эпизоде «Presto» фортепиано и флейта исполняют коду, которая завершает «Фантазию». Тема звучит в Е – dur празднично, торжественно. Кода требует виртуозного исполнения, для достижения которого нужно добиться технического дыхания, крепкого губного аппарата и синхронности движения пальцев с языком на «staccato».

8. «Фантазию» Ф. Борна рекомендуется исполнять студентам высших учебных заведений с хорошей технической базой. «Фантазия» входит в репертуар многих ведущих флейтистов мира.

Литература:

1. Должиков К. - Техника дыхания флейтиста Музыка, 1983.
2. Искендеров А. - Стилиевые и исполнительские особенности произведений для флейты. Баку. «Адилоглы» - 2002.
3. Платонов Н. - Вопросы методики обучения игре на духовых инструментах. Музгиз, 1958.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Федулов С.В.

кандидат исторических наук, доцент.

ВКА им. А.Ф. Можайского, доцент кафедры социально-экономических дисциплин.

ОКАЗАНИЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОМОЩИ СТРАНАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вынеся на себе всю тяжесть войны по разгрому гитлеровской Германии и спасению порабощённой Европы от нацизма, в тяжелейшие годы восстановления народного хозяйства, Советский Союз активно помогал странам Восточной Европы в вопросе создания и развития национальных военно-морских сил.

Одной из таких стран была Польская Республика. Так, уже 2 сентября 1945 года в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР было решено [1, л. 794]:

- Возложить на Народный комиссариат Военно-морского флота (НКВМФ) подъём затопленных трофейных кораблей в польских, а также немецких портах, находящихся в зоне Советской военной администрации.

- НКВМФ поручалось заключить генеральный договор с Министерством торгового флота и Министерством внешней торговли Польской Республики на подъём судов и кораблей, а также их распределение из расчёта 2/3 – СССР, 1/3 – Польской Республике.

7 сентября 1945 года, на основании данного Постановления Советского правительства, Наркомом ВМФ Адмиралом флота Советского Союза Н.Г. Кузнецовым был издан Приказ «О подъёме судов в польских, а также немецких портах, находящихся в зоне Советской военной администрации» [Там же, л. 794].

Необходимо отметить, что в число указанных судов, помимо боевых кораблей и вспомогательных судов, входили: торговые, пассажирские, грузопассажирские морские и речные суда, буксиры. Данным Приказом определялись конкретные меры по реализации решения Советского правительства.

Вместе с тем, 18 декабря 1945 года СНК СССР принял ещё одно Постановление, а именно: «О передаче Польскому правительству кораблей, артиллерийских батарей и оборудование флота» [Там же, л. 1010]. На основании данного решения руководства СССР, НКВМФ был обязан передать Польскому правительству следующие корабли, артиллерийские батареи и оборудование:

«1. Корабли: 9 тральщиков; 12 малых морских охотников за подводными лодками; 2 торпедных катера.

2. Три 4-х орудийные 130-мм артиллерийские батареи.

3. Радиостанции и посты службы наведения и связи (СНиС): одна радиостанция типа «Бухта»; одна радиостанция типа «РАФ»; 12 постов СНиС.

4. Средства навигационного ограждения, находящиеся на побережье и водах Польши (в том числе бывшие немецкие): 26 маяков, знаков и огней; 25 буёв.

5. Учебные пособия и оборудование для кабинетов военно-морских училищ и учебного отряда.

6. Корабли и артиллерийские батареи передать с табельным вооружением, имуществом и запасными частями» [Там же, л. 1010].

Исходя из решения СНК СССР, Нарком ВМФ 24 декабря 1945 года приказал Военному совету Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) [Там же, л. 1011]:

- К 1 января 1946 года отобрать из числа находящихся в составе КБФ и подготовить к передаче представителям Польской республики: 9 тральщиков; 12 малых морских охотников за подводными лодками; 2 торпедных катера.

- Подготовить и передать представителям Польской Республики: материальную часть двух радиостанций; 12 постов СНиС; средства навигационного ограждения.

- При получении в I квартале 1946 года материальной части, оформить и передать представителям Польской Республики три 4-х орудийные артиллерийские 130-мм батареи.

- К 1 января 1946 года передать представителям Польской Республики по отдельному перечню учебные пособия и оборудование для кабинетов военно-морских училищ и учебного отряда.

22 сентября 1945 года на основании решения Советского правительства и приказа Наркома ВМФ правительству Румынии была передана часть трофейных судов, а именно: 2 эсминца, 2 канонерские лодки, 2 сторожевых корабля, подводная лодка, 6 торпедных катеров, 2 гидрографических судна, 2 буксира и другие суда [Там же, л. 843].

Аналогичным образом были укреплены Военно-морские силы Болгарии и других стран Восточной Европы.

В послевоенный период, СССР и страны Европы столкнулись с очень серьёзной угрозой морскому судоходству, связанной с огромным количеством минных заграждений. В ходе войны, все морские пути европейских вод были перекрыты минными постановками, в большинстве установленных германским флотом. Самостоятельно с их тралением не могло бы справиться ни одно государство. Поэтому, по инициативе руководства СССР, в октябре 1945 года была создана «Международная организация по послевоенному тралению европейских вод». 29 октября 1945 года СНК СССР постановил: «Сформировать к 5 декабря 1945 года Миссию ВМФ СССР в Международной организации по послевоенному тралению европейских вод» [Там же, л. 990]. Выполняя данное решение, 29 ноября 1945 года приказом Наркома ВМФ миссия была создана, определена штатным расписанием и подчинена начальнику Главного морского штаба ВМФ СССР [Там же, л. 990].

Анализ архивных документов показывает, что военно-морская помощь, оказываемая Советским Союзом отдельным странам Восточной Европы в послевоенные годы, носила безвозмездный характер. Передавались не только боевые корабли, вспомогательные суда, береговая артиллерия, средства связи и навигации, но и учебные пособия, оборудование для подготовки военно-морских специалистов. И это делало руководство страны, которая понесла колоссальные людские и материальные потери в годы войны, освобождая эти государства, как и всю Европу от врага человечества – фашизма. К сожалению, отдельные руководители этих государств, в угоду политической конъюнктуры и амбициям, имея короткую память, взялись переписывать историю, искажая её и во всём принижая роль и помощь СССР.

Литература

1. Центральный Военно-Морской Архив, Ф. 14, Оп. 47, Д. 281

Погребной А.Ю.

*кандидат исторических наук,
Ставропольское президентское кадетское училище,
преподаватель истории*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ ДРЕВНЕГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

О каком бы географическом районе не велась речь, в его старых названиях запечатлена уникальная информация о давно минувших поколениях, которые когда-то там проживали. Этимологический анализ этих названий раскрывает их первоначальный смысл, а определение лингвистической принадлежности позволяет понять, какой народ и примерно когда их оставил.

Если попытаться применить к Западному Кавказу широко используемый в топонимических исследованиях метод ареалов, то получится любопытная картина, где Абхазия, прилегающие к ней с северо-запада районы Черноморского побережья и бассейн левых притоков Верхней и Средней Кубани образуют отдельный ареал [11, с. 263]. Критерием для объединения перечисленных территорий является то обстоятельство, что только здесь топонимика представлена преимущественно названиями абхазского происхождения.

Начиная с эпохи неолита, очерченная область была постепенно заселена и освоена предками абхазо-адыгских народов. Примерное время распада абхазо-адыгского единства, которое с помощью глоттохронологического метода М. Суодеша определил Я. А. Фёдоров, должно было приходиться на вторую половину III тыс. до н.э. [11, с. 271]. Это означает, что, древнейший пласт общих топонимических форм должен был сложиться не позднее этого момента. В качестве самостоятельных лингвистических категорий абхазская и адыгская топонимии стали складываться позднее. Примечательно, что локализация на Северном Кавказе древнейших абхазо-адыгских гидронимов совпадает с областью распространения с рубежа III-II тыс. до н.э. дольменной культуры. Её

наиболее ранние погребальные комплексы найдены в Абхазии и датируются серединой III тыс. до н.э. [3, с. 67-68; 10, с. 101]. На этом основании мы можем предположить, что изначально носителями дольменной культуры, вероятно, являлись протоабхазские племена. И появление дольменной культуры, таким образом, отражало первую волну их расселения по другую сторону Кавказского хребта.

В рамках данной статьи нет возможности рассмотреть все или хотя бы большинство смысловых значений топонимов обозначенного выше ареала, даже если ограничиться только его северокавказской частью. Наиболее удобным для определения лингвистической принадлежности географических названий и истории их появления представляется формантный метод, широко используемый в топонимических исследованиях [5]. Он позволяет выявить в местных названиях массово-повторяющиеся элементы, а зная их особенности, периоды и территориальные рамки диахронных напластований.

Верхнекубанские топонимы имеют не только подобную повторяемость, но и обнаруживают отдельные свои аналоги в Закавказье. Одним из основных верхних притоков Большого Зеленчука является река ПСЫ-Ш, которая берёт своё начало в ущелье, образованном самыми крупными вершинами этой части Западного Кавказа: ПСЫ-Ш и ПШИ-Ш. Дорога вдоль реки ведёт сразу к двум перевалам – ПСЫ-РО и Наур. По другую сторону Кавказского хребта от перевала ПСЫРО она спускается к реке с уже знакомым названием ПСЫШ, являющейся притоком р. Бзыбь. Форманты ПСЫ и ПС в настоящее время не переводятся с абхазского, сохранив своё употребление в значении «вода», «река» только в адыгских языках. Другая пара формантов – ПШ и ПШЬ – до сих пор имеет единый смысл в обоих языках для обозначения места [4, с. 303; 7, с. 397; 11, с. 280, 282]. Так, левый приток Большой Лабы носит название АДЗА-ПШ, где наряду с ранней присутствует и поздняя «водная» морфема ДЗА. Там же находится перевал АДЗАПШ, откуда путь уже на территории Бзыбской Абхазии лежит в селение ПС-ХУ.

Ещё одной из древних морфем может считаться общий абхазо-адыгский аффикс П (Б) в значении «исток», «устье». Так, в верховьях Большой Лабы раскинулось горное пастбище БЛЫ-П. Подобный лексический элемент присутствует и в названии реки УРУ-П, левого притока Кубани, в переводе с абхазо-адыгского означающего «устье бурной (реки)» [8, с. 89, 219; 9, с. 271].

Как видно из вышеперечисленных названий, в их составе встречаются древние форманты, которые свидетельствуют о былом абхазо-адыгском единстве. Следовательно, появиться эти топонимы должны были очень давно, не позднее эпохи средней бронзы.

Лингвистический анализ, по мнению А. Н. Генко [6, с. 5], позволяет вести речь о новой волне проникновения абхазо-абазинского населения в области Верхней Кубани к началу II тыс. н.э. Предложенная датировка, впрочем, допускает коррективу в рамках нескольких столетий. Сведения же письменных источников позволяют её удревить и отнести к VIII - IX вв. [2, с. 65-69].

С этого времени, в указанном районе стали распространяться географические названия с исконными абхазскими формантами РА (РЬ)

собирательного значения, Р с функцией посессива 3-го лица, ЦА (Ц) в смысле «предгорья», ХВА (Х) «гора», «вершина», БЗЫ (БЗ) или ДЗЫ (ДЗА) в значении «воды» и ТА (Т) со значением «места». Последняя пара в адыгских языках не известна. В них её заменяют морфемы Ш (ШЬ) [4, с. 297; 8, с.791; 11, с.281-284].

В бассейне р. Большая Лаба друг с другом соседствуют сразу несколько абхазо-абазинских топонимов: МАМХУ-Р-Ц(А), ДАМХУ-Р-Ц(А), АДЖА-РА ДУ, АДЖА-РА ЧКУН, МАКА-РА, САНЧА-РА. Примечательно, что р. САНЧАРА, огибая одноимённую гору, берёт свои истоки из озера САНЧАРА в районе перевала САНЧАРА, путь от которого уже на абхазской стороне спускается в долину, где разместился небольшой посёлок с тем же названием САНЧАРА. Примерно подобным образом обстоит дело и с гидронимами ГРИ-БЗА и АГУРИ-БЗА и местностью с названием ГРИ-БЗА, объединёнными морфемами БЗЫ (БЗ) или ДЗЫ. В Абхазской части есть аналогичные гидронимы: в р. Бзыбь впадают другие реки – ГРИБЗА и АГУРИБЗА. Однако посёлок, раскинувшийся там, именуется АГУРИ-ПС-ТА. Тот факт, что к одной и той же смысловой основе на северокавказской стороне добавляется чисто абхазский «водный» формант БЗА, а на закавказской – древний абхазо-адыгский ПС, свидетельствует не только о давних связях автохтонного населения по обе стороны Западного Кавказа, но и о более активной роли в этих контактах закавказских племён.

Проведённый на основе формантного метода анализ топонимов показал, что к эпохе ранней и средней бронзы область Верхней Кубани была постепенно заселена и освоена предками абхазо-адыгских народов. Местные названия рек, озёр, гор имеют в своём составе общие для абхазских и адыгских языков древние форманты ПС (ПСЫ), ПШ (ПШЬ) и П (Б). Это был начальный период формирования здесь не только местной топонимики, но и, как показывает область распространения дольменной традиции, единой этнокультурной общности.

Второй этап распространения абхазской топонимики на Северном Кавказе по данным лингвистики и письменных источников начался в эпоху раннего средневековья около VIII-IX вв., и включал в себя несколько потоков [1, с. 187-198]. Он не мог бы происходить без соответствующих предпосылок. Поэтому естественным образом возникает предположение о существовании в это время на Западном Кавказе исторически сложившегося ещё в предшествующий период общего этнокультурного и, как следствие, лингвистического пространства [4, с. 302]. Характерно, что в северокавказской части ареала среди диахронных пластов абхазо-абазино-адыгские представляются наиболее ранними. По мере продвижения от высокогорных к равнинным территориям число относящихся к нему топонимов постепенно уменьшается, уступая место тюркскому и русскому топонимическим массивам [11, с. 280].

В силу особенностей ландшафта и относительно лёгкой доступности перевальных путей, обеспечивавших хорошую коммуникацию, этот ареал не мог не играть самостоятельной роли в истории Западного Кавказа, обеспечивая

тем самым социокультурное, экономическое, а в некоторые периоды, видимо, и политическое единство последнего.

Наличие топонимов-двойников абхазского происхождения в прилегающих друг к другу южных и северных районах Западного Кавказа свидетельствует не только о давних связях автохтонного населения по обе стороны Большого Кавказского хребта, но и о более активной роли в этих контактах закавказских, племён. Однако мы не можем утверждать, что все они оставлены мигрировавшими на Северный Кавказ в разные эпохи абхазами. Этнокультурные процессы, имевшие место в данном регионе не были столь однозначны. И это подтверждается явлением соединения разных лингвистических слоёв, где в одних и тех же названиях присутствуют и абхазо-адыгские, и абхазо-абазинские, и поздние адыгские морфемы. Так или иначе, ясно то, что абхазский этнический элемент являлся с древности одним из основных в области Верхней Кубани. И наряду с адыгским определял этнический облик средневекового населения Верхней Кубани

Список использованной литературы:

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). - М., 1971.
2. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии VI-XVII вв. - Сухуми, 1959.
3. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. - М., 1964.
4. Бгажба Х.С. Некоторые вопросы топонимии и этнонимии Абхазии // Тр. АБИЯЛИ. Т. XXVII. - Сухуми, 1956.
5. Бондарук П.Г. История формантного метода в топонимике // Развитие методов топонимических исследований. - М., 1970.
6. Генко А.Н. Абазинский язык. - М., 1955.
7. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. - Сухуми, 1965.
8. Ионова С.Х. Абазинская топонимия. - Черкесск, 1993.
9. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. - Нальчик, 1974.
10. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. - Тула, 2003.
11. Фёдоров Я.А. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии. Тр. КЧНИИ. Вып. VII. Серия историческая. - Черкесск, 1974.

Список сокращений

Тр. КЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института

Тр.АБИЯЛИ.- Труды Абхазского института языка, литературы и истории.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIII-XVI вв. В ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

В последние десятилетия в европейской части России выполнен ряд региональных и микрорегиональных исследований, включавших выявление и выборочные раскопки средневековых сельских поселений, изучение на этой основе локальных поселенческих и административных структур, средневековых ландшафтов и систем хозяйства [1, с. 82-87] [6, с. 8-11] [7, с. 5-15] [14, с. 164-169]. На севере Восточной Европы, за пределами основной территории Древнерусского государства, подобные разработки, особенно охватывающие и период позднего Средневековья, редки. В Карелии исследование сельских поселений в указанном русле с перерывами ведется с конца 1980-х гг. [8, с. 173-176]. Одним из итогов этих работ стало выявление в центрах разных средневековых погостов поселений, атрибутированных как владельческие. Такая атрибуция основывается на соотнесении исследованных селищ с деревнями древнейших из дошедших до нас писцовых книг 1563-1566 и 1581/1582 гг. [5] [8], имеющими знаковое название «Большой Двор», а также особенности состава инвентаря, собранного в ходе раскопок и выделяющего их среди окружающих рядовых деревень.

Селище Царевка III в центре Георгиевского Толвуйского погоста на северо-востоке Заонежского полуострова. Двумя раскопами на поселении вскрыто 112 кв. м, исследованы остатки жилой постройки. Маркирующие находки: две серебряные копейки Ивана IV Грозного, одна медная копейка, видимо, Алексея Михайловича Романова, костяная шахматная фигурка, наконечник стрелы типа 7, по А.Ф.Медведеву. серия белоглиняных кувшинов. Хронология селища по находкам утанавливается в пределах XV-XVII вв. Оно соотнесено с принадлежавшей новгородскому Вяжицкому монастырю деревней «Большой Двор да к тому ж Большому Двору пущена в пашню деревня Захаровская, в ней двор монастырской на приезд да пять дворов пусты» писцовой книги 1563-1566 гг. Возникновение и рост Вяжицкой вотчины в Толвуде отражен в актах 1450-1470-х гг. [3, № 284] [15, с. 236-244], ее дальнейшая история — в материалах писцового делопроизводства и актах конца XVI-XVII вв. [9, с.281-303].

2. Селище Шуйский Погост I в центре Никольского Шуйского погоста на западном побережье Онего близ Петрозаводска. Одним раскопом на поселении вскрыто 216 кв. м, частично исследован двор — участок, явно расчищенный от крупных валунов, и фундамент двухэтажной постройки, в которой жилая горница располагалась на подклети-амбаре. Маркирующие находки: медная напесная иконка с изображением св. Николая, костяное писало, роговый цилиндр с четырьмя циркульными глазками на плоских гранях, определяемый по близким новгородским аналогиям как миниатюрный маркированный замок, запиравший мешки с собранными ценностями, цилиндрическая полосатая

стеклянная бусина, овальное короткое кресало, вток от копья или рогатины. Нижняя хронологическая граница селища по находкам определяется временем около 1350 г., возможно, второй четвертью XIV в. памятник соотнесен с деревней «у погоста Большой Двор Тимошкинской» писцовой книги 1563-1566 гг. В названном прежнем новгородском собственнике двора видится боярин Тимофей Дмитриевич, сын хорошо известного историкам посадника Дмитрия Васильевича Глухова, упоминаемого в актах 1435 — начала 1460-х гг. [15, с.53-55] [16, с. 361-374]. Можно полагать, что в центре Шуйского погоста (не обязательно на археологически изученном селище) была написана новгородская берестяная грамота № 131, имеющая уточненную стратиграфическую дату 1370 — начало 1380-х гг. [4, с. 620-622].

3. Селище Васильево II на о. Кижы (юго-восток Заонежского полуострова) в центре Спасо-Преображеского Кижского погоста. Двумя раскопами на поселении вскрыто 440 кв. м. С позднесредневековым комплексом памятника связаны следы двух жилых построек. Маркирующие находки: неопределенная новгородская серебряная копейка, обломки двух стеклянных браслетов, бронзовые височное кольцо, три пестня, ременная пряжка, янтарная подвеска, три железных наконечника стрел типов 46 и 66, по А.Ф.Медведеву, два втока, ключ от навесного замка типа Д, по Б.А.Колчину. Хронологические рамки вещевого комплекса сооружений и находок на поселении определяются в рамках второй половины XIII – XV вв. Комплекс сооружений и находок отождествлен с пустошью, «что была деревня на Кижском ж острове Большой Двор у часовне», писцовой книги 1582/1583 гг. и увязывается с исторической д. *Лукиница* [2, с. 229-256]. Собственник Большого двора, центра вотчины — не названный напрямую в письме конца XVI в. новгородский боярин Лука Федорович, деятельность которого приходится на самый финал новгородской независимости [11, с. 84-87] [13, с. 195-203].

Привлекают внимание прежде всего нижние археологические датировки трех исследованных поселений, которые в конце новгородского времени являлись центрами вотчин, а состав собранного в раскопах инвентаря указывает на не рядовой социальный статус этих деревень с момента начала формирования комплексов. Для Большого двора Вяжищского монастыря в Толвуе дата основания определяется XV в., что соответствует сведениям актов, по которым формирование толвуйской вотчины этой обители относится к 1450-м гг. Начало формирования средневекового комплекса селища Шуйский Погост I относится примерно к 1350 г., возможно, ко второй четверти XIV в. Нижняя дата позднесредневекового комплекса селища Васильево II в центре Кижского погоста — около 1250 г.

Древнейшие из дошедших до нас новгородских актов и берестяных грамот фиксируют владельческое освоение земель в бассейне Онего с середины-третьей четверти XIV в. Древнейшим из сохранившихся актов является мировая грамота старосты Вымоченского погоста, шунжан, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем о размежевании земель, в тексте которой имеется дата 1375 г. [3, № 284] [15, с. 236-244]. Нижняя археологическая дата комплекса Васильево II на о. Кижы (около 1250 г.)

позволяет удревнить начало боярского освоения территорий Прионежья примерно на столетие. Знаменательно, что ранние даты селищ Васильево II и Шуйский Погост I совпадают с начальным этапом формирования традиционных поселенческих структур в центрах Кижского и Шуйского погостов.

Источники и литература

1. Буров В.А. Новгородские писцовые книги и археология // Российская археология. 1993. № 3. С. 82-87.
2. Воробьева С.В. Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 229-256.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С.Н.Валк. М.-Л., 1949.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
5. История Карелии XVI-XVII вв. в документах. Asiakirjoia Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / И.А.Чернякова, К.Катаяла. Петрозаводск-Йоэнсуу, 1993. Т. 3.
6. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
7. Макаров Н.А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX-XVI вв. М., 2008. С. 5-15.
8. Писцовые книги Заонежской половины Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Н.М.Покровский. М.-Л., 1930.
9. Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Вып. 9. Петрозаводск, 2004. С. 281-303.
10. Спиридонов А.М. Средневековое расселение в Прионежье (X-XVI вв.) // Рябининские чтения-2011. Петрозаводск, 2011. С. 173-176.
11. Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X-XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012.
12. Спиридонов А.М. Селище Шуйский Погост I под Петрозаводском - «Большой двор» новгородской боярской вотчины XIV-XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 311-322.
13. Спиридонов А.М. Кижские древности эпохи Средневековья // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 195-203.
14. Фролов А.А. Исторический атлас Деревской пятины и перспективы сельской археологии XIV-XVII веков // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004. С. 164-169.
15. Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
16. Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2003.